

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ КИТАЯ В ОГРАНИЧЕНИИ
ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ**

**Под редакцией
Алексея Арбатова, Владимира Дворкина,
Сергея Ознобищева**

**Москва
ИМЭМО РАН
2012**

УДК 327.37
ББК 66.4
Перс 278

Авторский коллектив:
Алексей Арбатов, Виктор Есин, Александр Лукин, Василий Михеев,
Александр Храмчихин

Перс 278

Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений.
Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. –
М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 83 с.

ISBN 978-5-9535-0337-2

Настоящая публикация представляет собой восьмую из серии работ в рамках совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (“Nuclear Threat Initiative, Inc” – NTI) под общим титулом: «Россия и глубокое ядерное разоружение». В ее основу легли материалы конференции, состоявшейся 28 июня 2012 г. в ИМЭМО РАН.

Данное исследование подготовлено в рамках Проекта по ядерной безопасности (NSP) при поддержке NTI. Дополнительную информацию можно получить на сайте NSP <http://nuclearsecurity.org> Представленные в данной работе взгляды принадлежат авторам и не отражают позиции ИМЭМО или NSP.

Prospects of China’s participation in nuclear arms limitations

This is the eighth publication of the series titled “Russia and the Deep Nuclear Disarmament”, which is to be issued in the framework of joint project implemented by the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and the Nuclear Threat Initiative, Inc. (NTI). It is based on the discussion at the conference held in IMEMO RAN on June 28, 2012.

This research report was commissioned by the Nuclear Security Project (NSP) of the Nuclear Threat Initiative (NTI). For more information see the NSP website at <http://www.nuclearsecurity.org>. The views expressed in this paper are entirely the authors' own and not those of the IMEMO or NSP.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0337-2

© ИМЭМО РАН, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	6
1. КИТАЙ: УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ (В.В. МИХЕЕВ).....	8
2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: «СКРОМНОСТЬ» ИЛИ АКТИВИЗАЦИЯ? (А.В. ЛУКИН).....	15
3. ЯДЕРНАЯ МОЩЬ КНР (В.И. ЕСИН).....	27
4. ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ КИТАЯ (А.А. ХРАМЧИХИН).....	36
5. ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДКЛЮЧЕНИЯ КНР К ОГРАНИЧЕНИЮ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ (А.Г. АРБАТОВ).....	52
ВЫВОДЫ.....	68
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ВВП и военные расходы КНР.....	76
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Принятые сокращения.....	78
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Список участников конференции, состоявшейся 28 июня 2012 г. в ИМЭМО РАН.....	80

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В представленной работе, основанной на материалах конференции, проведенной в ИМЭМО РАН, авторы представляют свои оценки перспектив и возможностей подключения Китая к процессу сокращения ядерных вооружений, проводимому Россией и США.

Авторитетными специалистами дается анализ внутри- и внешнеполитического измерения китайской политики. Отмечается, что быстрые изменения в Китае создают сложности для их адекватного восприятия внешним миром. С одной стороны, для Запада, в экономическом плане Китай хотя и конкурент, но – действующий по рыночным правилам. С другой стороны, политически Китай – «чужой», поскольку в нем сохраняется монополия КПК на власть.

Эксперты согласны в том, что свой быстрый экономический рост Китай будет подкреплять ростом военных расходов, стремясь к занятию позиций в одном ряду с признанными мировыми лидерами, что предполагает расширение возможности влиять на международные процессы. Ряд экспертов полагает, что новую внешнеполитическую «самоуверенность» Китая следует воспринимать спокойно – как стремление крупной и успешной державы активно отстаивать свои внешние интересы.

В то же время, нельзя не отметить, что успешное экономическое развитие последних десятилетий и укрепление международных позиций Китая привели к заметному росту национализма в правящей элите и обществе. Но ясно и то, что в китайском обществе и руководстве ведутся серьезные дискуссии и даже борьба по поводу будущего внешнеполитического курса. Если в Пекине действительно наметился разлом между позициями политического и военного руководства, то – в зависимости от того, какая линия

возобладает – российские интересы безопасности могут быть затронуты самым прямым образом.

На современном этапе в Китае реализуется масштабная программа по наращиванию и модернизации вооруженных сил. Учитывая исключительно закрытый характер китайской военной программы, истинный масштаб этих военных приготовлений оценить крайне непросто.

Особую обеспокоенность вызывает развитие ядерных вооружений, которое также носит закрытый характер. Есть серьезные опасения относительно того, что ядерный потенциал КНР существенно выше, чем это принято считать. Вполне вероятно, что уже сейчас КНР является третьей после США и России ядерной державой, которая, несомненно, обладает техническими и экономическими возможностями, позволяющими, если потребуется, быстро нарастить ядерную мощь.

Несмотря на то, что в Китае необходимость присоединения в обозримом будущем к процессу ограничения ядерных вооружений единодушно отвергается на всех уровнях обсуждения, для участия в нем, по мнению экспертов, имеются определенные предпосылки. В то же время убедить Китай пойти на какие-то реальные ограничения вооружений или хотя бы на большую ядерную транспарентность в виде жеста доброй воли или минимального вклада в переход к многостороннему разоружению, очевидно, не удастся. Китай может согласиться на это лишь в том случае, если сочтет, что встречные уступки и ограничения других ядерных держав вполне окупают китайские шаги доброй воли и в итоге относительно укрепляют стратегические позиции и безопасность КНР в том ключе, в котором их воспринимает военно-политическое руководство страны. Иными словами, США и Россия должны перейти от благих пожеланий и призывов в адрес Поднебесной к трезвому анализу того, чем они готовы пожертвовать в политическом и стратегическом плане в обмен на равноценные уступки китайской стороны.

В данной работе предлагается ряд практически значимых мер по привлечению Пекина к ограничению ядерных вооружений.

ВВЕДЕНИЕ

Авторы представляемого исследования постарались заглянуть за «горизонт» современного процесса сокращения и ограничения вооружений. Еще не ясны перспективы и возможные элементы следующих его этапов, равно как нет ясно выраженного согласия Англии и Франции к нему присоединиться. Так можно ли всерьез говорить об участии в нем Китая?

Думается – не только можно, но и нужно. Китай на сегодня является самой проблемной страной из числа «ядерной пятерки». Это единственное из пяти официально признанных по Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. государств – обладателей ядерным оружием, которое не предоставляет никакой официальной информации о своих ядерных вооружениях. К тому же, Китай – единственная страна, помимо США и РФ, обладающая большим экономическим и техническим потенциалом быстрого наращивания СЯС и других ядерных средств. Наконец, КНР не является военно-политическим союзником ни одной из ядерных сверхдержав и потому нет никакого политического, стратегического или технического внешнего контроля над его ядерными силами, программами их развития, доктриной и стратегией боевого применения.

В этой связи, хотя технически подключение к разоружению Великобритании и даже Франции, возможно, было бы относительно более легкой задачей, присоединение к процессу в той или иной форме КНР – намного более насущная необходимость в плане глобальной и региональной стратегической стабильности, безопасности и перспектив продолжения ядерного разоружения.

Китайская реальная ядерная стратегия и ядерный потенциал абсолютно непрозрачны. В этих условиях заявления

о приверженности принципу неприменения первыми ядерного оружия воспринимаются большинством зарубежных политиков и экспертов как не более чем пропагандистский лозунг.

Поэтому по поводу реальных военно-политических целей китайского руководства в мировой политико-экспертной среде идет активная дискуссия. Неудивительно, что и в рамках данной работы авторитетные эксперты далеко не во всем сошлись во мнениях.

Обеспечение открытости китайской программы ядерных вооружений, на самом деле необходимо в первую очередь самому Пекину, если он на деле, а не на словах намерен строить «гармоничный мир совместного процветания». Однако пока китайские представители зачастую сторонятся даже простого присутствия при обсуждениях китайской ядерной стратегии и сил, перспектив присоединения своей страны к процессу ограничения ядерных вооружений – либо отделяются повторением сакраментальных формулировок официальной позиции.

Между тем уже просматривается тот рубеж в сокращении и ограничении ядерных вооружений, дальше которого Россия и США будут не в состоянии пойти без подключения третьих стран – обладательниц ядерного оружия. В силу ряда обстоятельств самое большое значение среди них имеет именно Китай. Очевидно также, что и долгосрочная цель перехода к безъядерному миру будет абсолютно недостижима без деятельного участия Китая в дальнейших этапах практической проработки проблем, стоящих на этом пути.

1. КИТАЙ: УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ

В.В. Михеев

С целью максимально объективного анализа данной темы представляется необходимым проанализировать два ее аспекта: как Китай воспринимает угрозы собственной безопасности и какие угрозы глобальной и региональной безопасности представляет сам Китай.

В предварительном порядке следует заметить, что Китай в последние пять-семь лет существенно ускорил темпы внутренних трансформаций, что вызвало не менее ощутимые изменения в его международном поведении и позиционировании.

Основные тенденции развития Китая. Китай стал «нормальной» рыночной страной, важной частью мировой экономики, хотя и со своими специфическими особенностями во внутренней политике и международном поведении. Особенность внутренней ситуации в Китае состоит в сохранении монополии компартии на власть. Во внешнеполитической сфере он, с одной стороны, хотел бы позиционировать себя как игрока, равного мировым лидерам, но с другой – пока еще, по-прежнему, не готов брать на себя ответственность за мировые дела и в то же время стремится к популярности в Третьем мире, провозглашая статус развивающегося государства.

При новом китайском руководстве во внутренней сфере можно прогнозировать проведение политической

реформы, хотя и без выхода на реальную многопартийность. Во внешней политике следует ожидать повышения международной активности КНР в качестве одного из мировых лидеров, но не единственного и не самого главного.

Сущностные трансформации Китая в весьма короткий отрезок времени создают сложности в его восприятии мировым сообществом.

Во-первых, быстрые изменения в Китае с трудом отслеживаются и адекватно воспринимаются миром.

Во-вторых, быстрые перемены в позитивном направлении продолжают сосуществовать с традиционным негативом в восприятии Китая вовне, который хотя и уменьшает свою значимость, но, тем не менее, сохраняется.

В-третьих, Китай продолжает восприниматься США и Западом в целом двояко. Экономически – он «свой», хотя и конкурент, но играющий по рыночным правилам. Однако политически он – «чужой», поскольку сохраняется монополия КПК на власть и непредсказуемость внешней и военной политики.

Внешние угрозы для Китая. На современном этапе Пекин *не рассматривает военную интервенцию* со стороны США или России как реальную угрозу. В противном случае он должен был бы кардинально переориентировать вектор внутреннего развития на подготовку к войне с тяжелейшими последствиями для экономики, уровня жизни людей и, соответственно, социальной и политической стабильности.

Главные внешние угрозы национальной безопасности Китай рассматривает под тем углом, как они влияют на внутреннюю стабильность и проблемы экономического развития страны. Логика здесь весьма простая: если внешние риски тормозят экономическое развитие, то это может привести к ухудшению экономического положения, а далее – к социальной и политической дестабилизации, что в итоге создаст угрозу власти КПК. Соответственно, именно в контексте поддержания внутренней стабильности и сохранения власти новое китайское руководство будет рассматривать и продвижение политической реформы.

Отсюда следует, что стратегические внешние угрозы Китаю, прежде всего, связаны с развитием мировой экономики, с возможностью нового глубокого мирового экономического кризиса. Исходя из такого видения внешних угроз, Китай делает стратегическую ставку на взаимодействие с США и Западом в поддержании позитивной динамики мировой экономики.

Точно также через призму угроз экономического кризиса и внутривнутриполитической дестабилизации КНР рассматривает и **угрозы военно-политических кризисов**. Пекин считает глобальный катаклизм маловероятным, однако опасается, что региональные конфликты и противоречия крупных держав могут гипотетически создать угрозы глобальной стабильности. Отсюда – «стратегический» подход к конфликтам в не жизненно важных для него зонах (Ливия, Сирия, Ирак, Афганистан, Иран и т.п.): не обострять ситуацию, действовать дипломатическими методами, стараться сохранить свое экономическое присутствие, доступ к источникам сырья, коммуникациям и рынкам при любом варианте развития событий.

Подобный подход отражает неготовность Китая (на сегодняшний день) к активному участию в конфликтных региональных проблемах за пределами геополитических зон его жизненных интересов (Тайвань, Корейский полуостров, Южно-Китайское море, гималайская граница с Индией, косвенно – Кашмир).

Как представляется, в отличие от риторики, реально Китай **не видит ядерной угрозы**, исходящей от ведущих ядерных держав – США и России. Китайская ракетно-ядерная программа носит, в первую очередь, статусный характер: один из мировых экономических лидеров с претензиями на роль одного из мировых политических центров силы должен иметь соответствующий ракетно-ядерный потенциал. Во-вторых, эта программа направлена на региональные цели: ядерное сдерживание путем политического давления на Тайвань и Индию.

Если Китай в будущем проявит готовность к диалогу с США и Россией по ограничению ядерных вооружений и

стратегической стабильности, то, прежде всего, по статусной мотивации.

Региональные угрозы. По всей видимости, Китай не отойдет от курса на воссоединение с *Тайванем*, но не предпримет шагов военно-политического характера для достижения этой цели. Мотивация прежняя – любые акции, которые могут повредить экономическому росту КНР и по цепочке взаимосвязей поставить под угрозу власть КПК, неприемлемы для китайского руководства.

К тому же важно иметь в виду, что Тайвань не ставит вопрос о независимости. По действующей Конституции Тайбэй претендует на то, чтобы представлять весь Китай. Правда на Тайване существуют политические силы, выступающие за изменение Конституции и переименование острова в Республику Тайвань. Однако их реальное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию Тайваня не критично для изменения нынешней ситуации статус-кво.

Тем не менее Китай использует свою обширную программу модернизации вооруженных сил по всему диапазону для оказания военно-политического давления на Тайвань с целью ослабления сил сепаратистов через имманентную угрозу военного вмешательства.

В то же время Пекин делает главную ставку на вовлечение Тайваня в экономическое сотрудничество и широкий культурный диалог. Эвентуальный возможный выход политических реформ в Китае на уровень реальной многопартийности может, как вариант, привести к возвращению Тайваня в единое государство с Китаем при сохранении большой автономности острова. Во всяком случае, один из обсуждаемых китайскими аналитиками (но пока не действующими политиками) вариантов политической реформы в Китае подразумевает возврат к довоенной двухпартийной системе КПК и Гоминьдана после воссоединения с Тайванем.

Китай и впредь будет демонстративно остро и болезненно реагировать на американские поставки оружия Тайваню. Во-первых, это уменьшает потенциал военно-психологического давления КНР на остров. Во-вторых, именно такая реакция доктринально закреплена и традиционна в менталитете военно-

политического руководства Китая, которое воспринимает тайваньский вопрос как главный гандикап своего великодержавного статуса.

Не видя прямой угрозы ракетно-ядерного нападения со стороны **США**, Пекин в то же время усматривает в тихоокеанской политике Вашингтона стремление ощутимо ограничить региональную роль Китая. Предполагается, что США нацелены на формирование «дуги сдерживания» Китая:

- на северо-востоке – военно-политические альянсы США с Японией и Южной Кореей;
- на юге – активизация военного сотрудничества с Австралией и Филиппинами, в перспективе – с Вьетнамом;
- на западе региона – выстраивание США политического партнерства с Индией.

Создание противовеса подобного рода активности США Китай предполагает осуществлять за счет наращивания собственной военной мощи, повышения ее стратегической мобильности, выхода за пределы американской «дуги сдерживания» и создания военных опорных пунктов в дальнем зарубежье.

Прямую угрозу своим интересам Пекин видит в нарастании демографической экспансии северокорейских беженцев на северо-восток Китая по мере ухудшения социально-экономической ситуации в **Северной Корее**.

Китай полагает, что рыночная экономика и открытость позволят Северной Корее улучшить экономическую ситуацию, что приведет к отказу Пхеньяна от военной ядерной программы – главного на сегодня «товара», в обмен на регулярные «продажи» которого северокорейское руководство получает внешнюю экономическую помощь. КНР делает ставку на вовлечение Северной Кореи в экономическое сотрудничество на рыночных принципах – что, по мнению Пекина, может обеспечить позитивную трансформацию северокорейского режима.

Военную угрозу со стороны Северной Кореи Пекин рассматривает по определенному сценарию: коллапс северокорейского режима, утрата контроля над ядерным потенциалом, попадание ядерного оружия в руки

северокорейских террористов, его продажа в другие страны и т.д. В этом контексте Китай, видимо, допускает вариант военной интервенции в Северную Корею для взятия под контроль ее ядерных объектов – однако, скорее всего, только в рамках миротворческой миссии по мандату ООН.

В регионе *Южно-Китайского моря* Китай рассматривает нерешенность проблемы взаимных территориальных претензий в качестве угрозы своим экономическим интересам. В этом регионе Пекином делается ставка на диалог, но с опорой на свою превосходящую военно-морскую силу и без участия стран, не расположенных в данном регионе (к которым относят США и Россию).

В Центральной Азии и Афганистане Пекин видит, во-первых, источник террористической и сепаратистской угрозы для целостности Китая. Во-вторых – площадку для реализации собственных экономических интересов, связанных с развитием отсталых регионов северо-запада Китая. США и Россия воспринимаются в этой связи и как партнеры (в борьбе со «злом»), и как конкуренты (в соперничестве за экономическое пространство).

К отношениям с *Индией* Китай подходит многопланово. Эта страна рассматривается в Пекине как важный экономический партнер, но в то же время и как потенциальная угроза в плане территориальных споров в Тибете, между Индией и Пакистаном в Кашмире. Также Индия воспринимается как главный потенциальный военно-политический конкурент в борьбе за нефтяные ресурсы и коммуникации их транспортировки в бассейне Индийского океана.

Китай – как угроза? Как представляется, Китай *не представляет стратегической ядерной угрозы* для США и России. Восприятие ими Китая как угрозы может быть связано с двумя основными факторами. Во-первых, это традиционный, хотя и устаревший взгляд на КНР как на коммунистического (или националистического) агрессора ввиду запаздывания реакции на быстрые позитивные изменения, происходящие в этой стране. Во-вторых, речь идет об оценке роста военных

расходов Китая как таящих в себе угрозу региональной и глобальной безопасности.

Между тем вызовы, связанные с ростом военной мощи Китая (см. Приложение 1, табл. 3 и 4), состоят в другом. Можно утверждать, что он будет подкреплять ростом военных расходов свое стремление к мировому политическому лидерству в концерте других ведущих стран. Однако главной основой политического позиционирования Китая будет повышение его роли (см. Приложение 1, таблицы 1 и 2) в поддержании устойчивого развития мировой экономики.

Восприятие вызова более всего обусловлено тем, что Китай, имея статус нового члена мирового клуба политических «тяжеловесов», как и следует «новичку», пока ведет себя по форме более агрессивно в отстаивании своих интересов, стремясь занять подобающее ему место среди «старожилов». Но у этой внешней агрессивности есть пределы, которые Китай не перейдет по причине сущностной основы своего мирового возвышения. Последняя состоит в углубляющейся экономической и финансовой взаимозависимости Китая с США и другими мировыми экономическими и энергетическими центрами, нарушить которую он может лишь с неприемлемым ущербом для своей экономики и внутривнутриполитической стабильности.

Сглаживание этой своеобразной нынешней «некритичной агрессивности» Китая возможно через вовлечение его в широкий диалог безопасности с Россией и США. Как представляется, перспективные темы для этого – стратегическая стабильность, Северная Корея, Центральная Азия и Афганистан. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что по объективным причинам наиболее проблемными точками во взаимоотношениях Китая с внешним миром будут еще долго оставаться споры вокруг шельфа Южно-Китайского моря и Тайвань.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: «СКРОМНОСТЬ» ИЛИ АКТИВИЗАЦИЯ?

А.В. Лукин

С самого начала реформ руководство Дэн Сяопина определило, что коренным изменениям должен подвергнуться и внешнеполитический курс страны. Внешняя политика КНР прошла несколько этапов. В 1950-е годы она определялась в основном стратегическим и идеологическим союзом с СССР и была направлена на содействие последнему в его борьбе с мировым империализмом. Китаю была предоставлена некоторая автономия в Азии и Африке, он поощрялся на роль лидера дружественных социализму государств «третьего мира».

В период разрыва с СССР и, особенно, «культурной революции», Пекин, руководствуясь революционным догматизмом, пытался взорвать азиатский континент, поддерживая там радикальные антизападные движения. В 70-е годы, после сближения с США на антисоветской основе, Мао Цзэдуном была выдвинута теория «трех миров», в рамках которой Китай объявлялся лидером развивающихся государств «Третьего мира». Главной опасностью объявлялся «Второй мир» во главе с «социал-империалистическим» СССР, в борьбе с которым можно было взаимодействовать с менее опасным «Первым миром» под руководством США. Идеи создания единого фронта против СССР просуществовали до конца 70-х годов. Затем необходимость серьезно заняться внутренними реформами и нормализация отношения с Москвой постепенно повлекли отказ от них.

На XII съезде, проходившем в сентябре 1982 г., была сформулирована концепция «независимой и самостоятельной

внешней политики», смысл которой сводился к невступлению в союзнические отношения с какой-либо из «сверхдержав», то есть к уравниванию СССР и США как партнеров или противников, но главное – к подчинению внешней политики целям экономического развития страны. Эта концепция официально определяет внешнеполитический курс Пекина и сегодня. Она сводится к следующим пунктам.

- Китай всегда придерживается независимых и самостоятельных принципов. Исходя из коренных интересов китайского народа, народов мира и реальных событий, Китай вырабатывает свою позицию и политический курс по всем международным вопросам: он не подчиняется никакому внешнему давлению, не устанавливает никаких стратегических отношений с крупными державами или блоками стран, не участвует в гонке вооружений, не проводит военную экспансию.

- Китай выступает против гегемонизма и защищает мир во всем мире. Он считает, что государства не делятся на крупные и малые, сильные и слабые, богатые и бедные, но все являются равноправными членами международного сообщества. Разрешение конфликтов между странами осуществляется мирным путем. Не надо прибегать к оружию и угрожать друг другу силой, нельзя ни под какими предложениями вмешиваться во внутренние дела других стран. Китай никогда не навязывает другим странам свой социальный порядок и идеологию и не позволяет другим странам навязывать ему их социальный строй и идеологию.

- Китай активно содействует созданию справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка. Китай считает, что новый порядок должен отражать требования развития истории и векового прогресса, должен выражать общие пожелания и интересы народов всего мира. Пять принципов мирного сосуществования и другие общепринятые правила международных отношений должны стать основой для создания нового международного политического и экономического порядка.

- Китай желает создать и развивать дружественное сотрудничество со всеми странами на основе пяти принципов

мирного сосуществования, а именно: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования¹.

В реальности, с начала 80-х годов XX столетия Китай стремится создать условия для экономического развития путем налаживания хороших рабочих отношений со всеми странами мира, особенно с теми, кто может оказать ему в этом деле наибольшее содействие, предоставить инвестиции и новые технологии. Особое внимание уделяется соседям, с которыми Китай всемерно, в том числе и за счет компромиссов, стремится решить территориальные и другие споры ради развития торгово-экономического сотрудничества, в том числе в приграничных районах. КНР обозначила коренные интересы, которыми она не может поступиться: признание Тайваня и Тибета, а ранее – Гонконга и Макао – частью КНР, другие вопросы территориальной целостности. По прочим вопросам Пекин ведет себя скромно, не вмешивается в международные конфликты, которые прямо его не касаются, чтобы зря не расходовать ресурсы, и обычно ограничивается лишь высказыванием по ним своей точки зрения.

В последние годы, однако, ситуация начала несколько меняться. Сама логика развития вынуждает Пекин занимать более активную роль в мировой политике. Во-первых, в результате успешного экономического развития последних десятилетий мощь страны настолько усилилась, что без участия Пекина трудно представить себе решение многих экономических, да и политических проблем, касающихся всего мира. Во-вторых, модель экономического развития Китая, основанная на бурном росте и экспорте, ведет к нехватке ресурсов, прежде всего сырья, и необходимости искать новые рынки сбыта. И то, и другое находится за пределами территории КНР. Наконец, проблемы с окружающей средой, избыточной рабочей силой и прочие внутренние трудности

---

¹ Независимая и самостоятельная мирная внешняя политика Китая // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 25 февраля, 2003 г.

(<http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wjzc/jbzc/t1992.htm>).

Китай начали непосредственно затрагивать другие страны, прежде всего соседние.

Пытаясь теоретически обосновать усиление роли КНР на мировой арене, а также рассеять страхи за рубежом относительно возможной угрозы, которую новый мощный Китай может представлять миру, в 2003 г. ведущие идеологи страны выдвинули теорию «мирного подъема», которую взяли на вооружение и лидеры страны. Ее суть заключалась в том, что усиление КНР не несет вреда окружающему миру, что в стране основное внимание уделяют росту, причем говорилось, что этот рост даже выгоден соседям, так как будет способствовать и их развитию. Одним из средств мирного возвышения, хотя и не основным, провозглашалась культура.

Несмотря на благие намерения авторов, идея подъема, пусть и мирного, вызвала неоднозначную реакцию в мире, а некоторых даже напугала. В результате, китайское руководство сняло эту концепцию в качестве официальной, поначалу вернувшись к идее «мирного развития», выдвинутой еще Дэн Сяопином, а затем, сменило ее на концепцию «гармоничного мира», к созданию которого теперь официально стремится Пекин.

Впервые о необходимости «совместного построения гармоничного мира» китайский лидер Ху Цзиньтао заявил в апреле 2005 г. в Джакарте на Саммите стран Азии и Африки. На праздновании 60-летия ООН в сентябре того же года китайский лидер предложил создать «гармоничный мир совместного процветания». В своем выступлении в Йельском университете в апреле 2006 г. Ху Цзиньтао заявил, что для Китая всегда была важна социальная гармония. Теперь же КНР приступает к строительству гармоничного общества внутри страны и одновременно «стремится использовать достижения других цивилизаций для продвижения к миру и развитию через сотрудничество, стремится играть свою роль в строительстве гармоничного мира, длительных мирных [отношений] и общего процветания»².

---

² http://www.yale.edu/opa/hu/download/transcript_Hu_20060421.doc

На XVII съезде КПК идея «гармоничного мира» не только позвучала в докладе Ху Цзиньтао, но была внесена в устав партии. Китайский лидер говорил: «Мы выступаем за то, чтобы народы всех стран общими усилиями продвигали создание гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием. Поэтому нужно в соответствии с преамбулой и принципами Устава ООН, а также на основе строгого соблюдения международного права и общепризнанных норм международных отношений развивать в этих отношениях дух демократии, согласия, сотрудничества и взаимного выигрыша. В политическом плане нужно друг друга уважая и друг с другом равноправно консультируясь, совместно продвигать демократизацию международных отношений. В экономическом – друг с другом сотрудничая и друг друга дополняя имеющимися преимуществами, совместно продвигать развитие экономической глобализации в сторону равномерного, для всех выгодного и выигрышного развития. В культурном – учась друг у друга, находя общее при наличии расхождений и уважая многообразие мира, вместе стимулировать процветание и прогресс человеческой цивилизации. В плане безопасности – друг другу доверяя и усиливая сотрудничество, твердо стоять на том, чтобы решать международные споры мирным путем, а не посредством войны, сообща защищать мир во всем мире и поддерживать стабильность. В плане охраны окружающей среды – друг другу помогая и вместе продвигая это дело, сообща оберегать общий дом человечества – нашу планету Земля»³.

По сути, это та же программа независимой и самостоятельной внешней политики в новых условиях. Ее смысл: успокоить мир относительно целей китайского развития, показать, что роль КНР в мире конструктивна, а его усиление даже выгодно остальным.

Это мирное наступление Пекина, его умелое использование «мягкой силы» дало определенные результаты.

---

³ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст) (http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_21.htm).

Смена администрации в США с конфронтационной Дж. Буша мл. на более конструктивную Б. Обамы и успешный выход Китая из кризиса заставил многих по-новому оценить его роль в мире.

В начале 2009 г. два мэтра американской внешнеполитической мысли Зб. Бжезинский и Г. Киссинджер выступили со своими предложениями, как решать мировые проблемы в новой ситуации, по сути, сформулировав предложения вновь избранному американскому президенту Б. Обаме по изменению внешнеполитического курса США. Несмотря на ряд разногласий, они сошлись в одном: стабильное будущее мира зависит от того, смогут ли Соединенные Штаты и Китай, отложив разногласия, наладить конструктивное сотрудничество.

Предложения известных политологов были вызваны рядом причин. Во-первых, это общее понимание неудачи внешнеполитического курса прежней администрации и желание его изменить. Во-вторых, признание того, что в результате кризиса не только американские политические подходы, но и экономические модели потеряли популярность в мире, а альтернативные идеи, наоборот, ее приобрели. Одной из таких моделей является китайская, которую сами же западные экономисты окрестили «пекинским консенсусом» (по аналогии с «вашингтонским консенсусом», которому он противостоит). В-третьих, это признание возросшей роли Пекина в мировой политике, вызванное как его реальными экономическими достижениями, так и ожиданиями того, что из кризиса Китай выйдет с меньшими потерями, чем многие другие крупные экономики.

Впрочем, к 2010 г. настроения на Западе изменились. В мире стали широко обсуждать новые тенденции во внешней политике Китая. По мнению ряда наблюдателей, его экономические успехи последних десятилетий привели к более «самоуверенному» (assertive) подходу к внешнему миру, стремлению проявлять большую жесткость в отношениях с партнерами, меньшую склонность к уступкам, склонности отвечать ударом на удар, давлением на давление. Говорят, что эта тенденция особенно усилилась в результате успешного, по

мнению китайских властей, выхода из мирового финансового кризиса, во время которого Китай понес меньшие потери, чем другие ведущие экономики мира. Ведь даже в годы кризиса китайская экономика показывала 8–10%-ый рост. В качестве примеров приводят жесткую позицию Китая по тибетскому вопросу, его упорное нежелание идти на соглашение с Далай-ламой, немотивированно жестокие приговоры некоторым диссидентам, антизападную позицию по вопросу глобального потепления, отказ от давления на северокорейский режим с целью побудить его выполнить резолюции Совета Безопасности ООН, за принятие которых Пекин сам же проголосовал ранее.

Представляется, что новую внешнеполитическую «самоуверенность» Китая можно воспринимать спокойно, как стремление крупной и успешной державы активно отстаивать свои внешние интересы. В то же время нельзя не отметить, что успешное экономическое развитие последних десятилетий и укрепление международных позиций страны привели к росту национализма среди элит.

В конце первого десятилетия нового века в Китае стали открыто издаваться статьи и книги, в которых говорится, что Пекин должен активно, в том числе с использованием армии и флота, обеспечивать свои экономические интересы по всему миру, и даже контролировать мировые ресурсы и их распределение. В вышедшей в начале 2009 г. книге «Китай недоволен», ставшей бестселлером, достаточно голословно утверждается, что китайцы якобы лучше всех в мире распоряжаются природными ресурсами, которых стране не хватает. Из этого делается вывод, что в будущем Пекин должен взять под контроль мировые ресурсы, чтобы управлять ими на благо человечества. Китайская армия, по мнению авторов, должна активно поддерживать борьбу КНР за ресурсы за ее пределами⁴. Ранее один из авторов книги Ван Сяодун уже

---

⁴ Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзисе, Сун Цян и Лю Ян : Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние трудности. Нанкин, 2009. СС. 80–81, 98–99, 106–108.

писал о том, что главная проблема Китая – нехватка «жизненного пространства»⁵.

Официальные китайские представители и эксперты обычно разъясняют, что идеи, пропагандируемые группой журналистов – авторов книги «Китай недоволен», – лишь частные мысли отдельных граждан. Однако в более откровенных разговорах некоторые китайцы признавали, что подобные националистические теории поддерживаются определенными кругами в силовых структурах.

Впрочем, этот секрет Полишинеля полностью раскрылся после публикаций в 2010 г. нескольких книг и статей ряда официальных военных аналитиков, в которых высказывались сходные мысли. Так, в приобретшей сразу большую популярность книге «Китайская мечта»⁶ профессор Университета обороны (принадлежащего системе Министерства обороны), старший полковник Лю Минфу полагает, что в XXI в. Китай должен стремиться стать первой по мощи державой мира. В противном случае, по его мнению, усилиями США, с которыми неизбежна борьба, а может быть и война за лидерство, он будет отброшен на обочину мирового развития»⁷.

В другой книге с характерным названием «Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления», написанной полковником ВВС НОАК и известным военным журналистом Дай Сюем, встречаются все те же аргументы. Согласно Дай Сюю, при общей координации со стороны США Китай окружают плотным военным полукольцом соседи: Япония, Вьетнам, Индия и сами США в Афганистане. Как утверждает автор, Китай всегда вел борьбу за существование с великими державами: в XIX веке с европейцами, во главе с британцами, в

---

⁵ Ван Сяодун. Теория современного китайского национализма // Чжаньлюе юй гуанли. № 5. 2000.

⁶ 刘明福 (Лю Минфу): 《后美国时代的大国思维: 中国梦》 (Великодержавное мышление пост-американского мира: китайский сон). 北京, 中国友谊出版, 2010年。

⁷ China PLA officer urges challenging U.S. dominance (<http://www.reuters.com/article/idUSTRE6200P620100301>).

первой половине прошлого века – с Японией, во второй – с СССР и вот теперь – с США. Война с ними практически неизбежна, и Китаю, чтобы обеспечить выгодные позиции, необходимо укреплять армию, прежде всего авиацию и флот⁸.

Один из возможных путей противодействия «окружению» – создавать по примеру США военные базы за рубежом. Призывы создавать зарубежную инфраструктуру НОАК и активно действовать за пределами КНР широко распространились среди рекомендаций военных аналитиков. Например в ноябре 2009 г. директор Института стратегии Университета обороны контр-адмирал Ян И заявил: «Мы должны уверенно и открыто сказать Соединенным Штатам и другим государствам: Китаю необходимо усилить военную мощь за рубежом, что вызвано... зарубежными национальными интересами»⁹. А в начале 2010 г. острую реакцию за рубежом вызывало размещенное на официальном Интернет-сайте Министерства обороны интервью отставного адмирала Инь Чжо, в котором он предложил создать китайскую военноморскую базу в Аденском заливе для обеспечения операций китайского флота по борьбе с морскими пиратами.

Подобные заявления привлекли пристальное внимание потому, что они противоречили как официальной доктрине, так и практике китайского военного строительства. После провала китайского «кровавого урока» во Вьетнаме в 1979 г. НОАК не проявляла активности за рубежом, за исключением участия в миротворческих операциях ООН и учениях, проводившихся в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Основной целью армии и флота всегда считался Тайвань. Именно в сторону Тайваня, по мнению экспертов, была направлена модернизация вооруженных сил и основные закупки вооружений.

Китайская дипломатия также всеми силами пыталась показать, что цели Китая исключительно мирные, его внешняя

---

⁸戴旭 (Дай Сюй): 《C型围-内 (Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления) . 山海 , 文汇出版社 , 2010 , 第3-4页。

⁹ South China Morning Post 28.11. 2009.

политика направлена на обеспечение условий для внутреннего развития. Пекин старательно избегал говорить о каких-либо интересах за пределами его территории и не вмешивался в международные конфликты, ограничиваясь устным формулированием своей позиции, которая обычно сводилась к призывам все споры решать мирно и путем переговоров.

Официально этот курс остается неизменным, однако сегодня ясно видно, что у него появились многочисленные критики, многие из которых носят погроны НОАК. Прямо не отвергая линию политического руководства, они фактически создают новую идеологию внешней и оборонной политики, противоречащей разработанному в конце 70-х годов Дэн Сяопином курсу, лозунгом которого в этой сфере была «скромность». «Не нужно хвалиться, чем больше мы развиваемся, тем скромнее надо быть», – призывал китайский лидер в 1989 г.¹⁰

Сегодня ясно, что в китайском обществе и руководстве ведутся серьезные дискуссии и даже борьба по поводу будущего внешнеполитического курса. Часть из них отрицают, что китайская внешняя политика стала более наступательной и утверждают, что Китай просто должен более ясно высказывать свои позиции по ключевым проблемам и отстаивать свои позиции. Относительно вышеупомянутых книг сторонники этой линии обычно заверяют, что они не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на умонастроения граждан КНР, поскольку вообще почти не были замечены китайскими читателями. По их словам, усиление влияния КНР на мировой арене, вплоть до получения возможности контролировать мировые сырьевые ресурсы, является не более чем мечтой китайцев, о воплощении которой они всерьез не думают. Отмечается, что в целом китайцы не поддерживают идеи книги «Китайская мечта» и не стремятся к превращению КНР в сверхдержаву.

---

¹⁰ 《邓小平文选》第三卷 (Избранные сочинения Дэн Сяопина. Т.3) 北京, 人民出版社, 1993第320页。

Они заверяют, что быстрое развитие Китая вовсе не означает неизбежности войн и что он придерживается мирного способа развития. Согласно этой позиции, нынешний мир отличается от прежнего, в котором быстрое развитие одной из стран приводило к войнам. Сейчас глобальное развитие подразумевает сотрудничество, и пример тому – сотрудничество КНР и РФ. Китаю нужна сильная Россия и, наоборот, России нужен сильный Китай.

По мнению умеренных аналитиков, сегодня перед КНР стоят две группы проблем: старые – такие, как безопасность, целостность территории и суверенитета, вопрос границ, тайваньская проблема, низкая роль КНР на международной арене и новые – рост инвестиций за пределы Китая, рост числа выезжающих за рубеж китайцев, вовлеченность КНР в процессы глобализации, проблема ресурсов. И все эти проблемы надо решать через сотрудничество и повышение экономической интеграции КНР, в том числе с Россией, США и другими странами.

Но в реальной жизни не все получается так гладко, как в благозвучных китайских доктринах типа «гармоничного мира». Один из наиболее ярких примеров этой тенденции – серьезное ухудшение отношений Пекина с Вашингтоном. США недовольны растущей международной активностью Китая, а также его экономической экспансией как вблизи, так и вдалеке от собственных границ, например, в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке, позицией Китая по глобальному потеплению, где он позиционирует себя как лидер развивающихся стран, стремящихся переложить всю ответственность за изменения климата на развитый мир.

Однако, пожалуй, наибольшее разочарование в Вашингтоне и европейских столицах вызывает упорное нежелание Пекина идти на повышение курса юаня. Заниженный курс китайской валюты рассматривается в США и Западной Европе как скрытое субсидирование экспорта, что способствует росту и без того огромного внешнеторгового дефицита большинства стран Запада с Китаем. Не удовлетворены в США и позицией Китая по ряду региональных вопросов, в частности по северокорейской

ядерной проблеме. Как считают в Вашингтоне, Пекин проявляет недостаточную активность в оказании давления на Пхеньян. То же касается и иранской ядерной проблемы, по которой Пекин вместе с Москвой проводит линию на смягчение санкций, предлагаемых Западом. В результате «перезагрузки» американо-российских отношений позиция Москвы по иранской ядерной проблеме в какой-то момент сблизилась с американской. В Пекине же стремились либо вообще не применять санкции, либо смягчать их, выхолащивая содержание. В конечном итоге Пекин и Москва вместе выступили в СБ ООН против любых новых санкций.

В Пекине также проявляют недовольство по поводу политики Вашингтона по целому ряду направлений. Кроме продолжающегося военно-технического сотрудничества с Тайванем, это и давление на Пекин по экономическим вопросам, и «вмешательство во внутренние дела» Китая по вопросу соблюдения прав человека, и встреча Б. Обамы с Далай-ламой, которого в Пекине считают «сепаратистом».

Американо-китайская нестабильность отражается и на отношениях между Пекином и Москвой. Российско-китайские отношения гораздо стабильнее американо-китайских. Между Москвой и Пекином нет особых политических противоречий, разветвленный механизм сотрудничества имеет под собой твердую основу совпадающих интересов, а многие китайские опасения относительно внешнеполитических амбиций США разделяет и Россия.

Тем не менее сегодня уже не стоит исходить из того, что любое ухудшение отношений между двумя углами треугольника обязательно на руку третьей стороне. Вместе с тем, рост «самоуверенности» Китая, в случае, если он будет происходить на основе национализма, может затронуть не только интересы США, но в еще большей степени положение китайских соседей, в том числе и России.

4. ЯДЕРНАЯ МОЩЬ КНР

В.И. Есин

В настоящее время КНР – единственное из пяти официально признанных по Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. государств – обладателей ядерного оружия, которое не представляет никакой официальной информации о своих ядерных вооружениях. В политико-пропагандистских целях Пекин утверждает, что китайские ядерные силы малочисленны и несопоставимы с ядерными силами таких членов «ядерной пятерки», как США и Россия. А распространенные в среде экспертного сообщества количественные оценки ядерного арсенала КНР колеблются в весьма широком диапазоне: от 240–300 до 10000 ядерных боезарядов.

С учетом вышеизложенного можно представить следующие оценки ядерного потенциала КНР¹¹.

Производство ядерных боеприпасов. КНР располагает развитой военной атомной промышленностью, полностью самостоятельной для обеспечения серийного производства всего потребного для ядерных сил страны спектра ядерных боеприпасов: от авиабомб до головных частей для ракет различного предназначения. В КНР имеются две практически самостоятельные группы предприятий – северная и южная, каждая из которых включает заводы по производству специальных расщепляющихся материалов, изготовлению компонентов и сборке ядерных боеприпасов. В состав северной группы входят четыре производственных центра в Баотоу (автономный район Внутренняя Монголия), Кукунор (провинция Цинхай), Ланьчжоу и Юймынь (оба в провинции Ганьсу). В южную группу входят три производственных

---

¹¹ Здесь и далее приводятся оценки автора.

центра в Гуаньюань, Эбянь и Цзытун (все в провинции Сычуань).

Оценка производственных мощностей китайских заводов по производству специальных расщепляющихся материалов (с учетом реальных сроков их запуска в эксплуатацию) показывает, что по состоянию на 2011 г. они могли наработать до 40 т оружейного урана и около 10 т оружейного плутония. Этого достаточно для изготовления 3600 ядерных боеприпасов (1600 урановых и 2000 плутониевых).

Вполне вероятно, по аналогии с практикой других государств «ядерной пятерки», что далеко не весь наработанный оружейный ядерный материал используется в КНР для выпуска боеприпасов. Складские запасы такого материала могут составлять половину и более от его произведенного количества. Если исходить из подобного допущения, то в ядерном арсенале КНР, вероятно, насчитывается 1600–1800 ядерных боеприпасов. Из них для оперативного развертывания может быть предназначено 800–900 ед., остальные – для длительного хранения и в очереди на утилизацию после истечения установленных сроков эксплуатации.

Бесспорно, приведенные расчеты являются прикидочными и не претендуют на полную достоверность, но, как представляется, они все же значительно ближе к реальности, чем упомянутые в начале данной статьи.

Что касается номенклатуры ядерных боеприпасов, которые производит военная атомная промышленность КНР, то она включает следующий их набор:

- авиабомба Б-4 (несколько модификаций мощностью от 5 до 20 кт каждая) для истребителя-бомбардировщика «Цян-5» и других тактических ударных самолетов;
- авиабомба Б-5 (мощностью до 2 Мт) для дальнего бомбардировщика «Хун-6» (лицензионный вариант советского дальнего бомбардировщика Ту-16);
- моноблочная головная часть (две модификации мощностью до 2 Мт каждая) для баллистической ракеты средней дальности (БРСД) «Дунфан-4» и межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Дунфан-5А»;

- моноблочная головная часть (мощностью до 500 кт) для МБР «Дунфан-31»;
- головная часть с отделяемой боеголовкой (мощностью до 300 кт) для МБР «Дунфан-31А»;
- моноблочная головная часть (две модификации мощностью до 350 кт каждая) для БРСД «Дунфан-21/21А» и баллистической ракеты подводной лодки (БРПЛ) «Цзюйлан-1»;
- моноблочная головная часть (несколько модификаций мощностью от 5 до 20 кт каждая) для оперативно-тактических ракет (ОТР) «Дунфан-15/15А/15Б» и «Дунфан-11/11А», а также для крылатой ракеты наземного базирования (КРНБ) «Дунхай-10» (ДН-10);
- моноблочная головная часть (мощностью до 500 кт) для БРПЛ «Цзюйлан-2».

Перспективная разработка – разделяющаяся головная часть с боевыми блоками (боеголовками) индивидуального наведения на цель (РГЧ ИН). Эта головная часть предназначается для модифицированных МБР «Дунфан-5А» и «Дунфан-31А», а также недавно принятой на вооружение БРПЛ «Цзюйлан-2». Предположительно экспериментальные образцы РГЧ ИН могли быть изготовлены в 2011 г. и начата их летная отработка.

Авиационный компонент ядерных сил. Авиационный компонент ядерных сил КНР состоит из стратегической авиации, в состав которой входят дальние бомбардировщики «Хун-6», и тактической авиации, представленной истребителями-бомбардировщиками «Цян-5» и другими ударными самолетами, прототипом которых является российский многоцелевой истребитель Су-30.

В боевом составе стратегической авиации находится около 60 бомбардировщиков «Хун-6» и еще примерно столько же содержится в режиме складского хранения. Максимальная дальность полета бомбардировщика «Хун-6» с одной термоядерной бомбой Б-5 на внутренней подвеске – около 5800 км. Всего для этих самолетов выделяется до 120 авиабомб Б-5.

В боевом составе тактической авиации насчитывается в общей сложности более 300 истребителей-бомбардировщиков «Цян-5» и других ударных самолетов, сертифицированных для

выполнения ядерных задач. Максимальная дальность полета этих самолетов с одной атомной бомбой Б-4 – 1400–2000 км. Всего для тактической авиации выделено 320 авиабомб Б-4.

Таким образом, общие запасы предназначенных для оперативного развертывания авиабомб Б-4 и Б-5 составляют 440 единиц. В мирное время они хранятся на авиабазах в специальных сооружениях, отдельно от самолетов.

Наземный компонент ядерных сил. Наземный компонент ядерных сил КНР состоит из Стратегических ракетных войск и ракетных комплексов Сухопутных войск Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

Стратегические ракетные войска предоставлены так называемой «Второй артиллерией» НОАК. В их составе шесть ракетных баз.

В Шэньянском военном округе развернута 51-я ракетная база, в состав которой входят три ракетные бригады, вооруженные грунтовым мобильным ракетным комплексом с двухступенчатой твердотопливной БРСД «Дунфан-21» (дальность стрельбы – до 2000 км). Всего – 28 пусковых установок. Боезапас – до 35 ракет и 35 ядерных головных частей.

В Нанкинском военном округе развернута 52-я ракетная база. В ее составе семь ракетных бригад, из них две вооружены грунтовым мобильным ракетным комплексом с двухступенчатой твердотопливной БРСД «Дунфан-21А» (дальность стрельбы – 2800–3000 км), две другие – грунтовым мобильным ракетным комплексом с твердотопливной ОТР «Дунфан-15/15А/15Б» (дальность стрельбы – до 600 км) и еще три – грунтовым мобильным ракетным комплексом с твердотопливной ОТР «Дунфан-11А» (дальность стрельбы – до 300 км). Всего – 84 пусковые установки (24 с БРСД «Дунфан-21А», 24 с ОТР «Дунфан-15/15А/15Б» и 36 с ОТР «Дунфан-11А»). Боезапас для пусковых установок с БРСД «Дунфан-21А» составляет до 30 ракет и 30 ядерных головных частей. ОТР «Дунфан-15/15А/15Б» и «Дунфан-11А» могут оснащаться как осколочно-фугасной, так и ядерной головной частью. В хранимый для этих ОТР боекомплект головных частей могут входить в общей сложности до 30 ядерных.

В Чэндуском военном округе развернута 53-я ракетная база, в состав которой входят две ракетные бригады, вооруженные грунтовым мобильным ракетным комплексом с БРСД «Дунфан-21/21А». Всего – 24 пусковые установки. Боезапас – до 30 ракет и 30 ядерных головных частей.

В Цзинанском военном округе развернута 54-я ракетная база. В ее составе три ракетные бригады: первая вооружена шахтным ракетным комплексом с двухступенчатой жидкостной МБР «Дунфан-5А» (дальность стрельбы – до 12000 км), вторая – шахтным и наземным ракетным комплексом с жидкостной БРСД «Дунфан-4» (дальность стрельбы – до 5200 км) и третья – грунтовым мобильным ракетным комплексом с трехступенчатой твердотопливной МБР «Дунфан-31» (дальность стрельбы – до 8000 км). Всего – 24 пусковые установки (шесть – с МБР «Дунфан-5А», шесть – с БРСД «Дунфан-4» и 12 – с МБР «Дунфан-31»). Боезапас – до 28 ракет и 28 ядерных головных частей.

В Гуанчжоуском военном округе развернута 55-я ракетная база, в состав которой входят две ракетные бригады, вооруженные шахтным ракетным комплексом с МБР «Дунфан-5А», и одна ракетная бригада, вооруженная шахтным и наземным ракетным комплексом с БРСД «Дунфан-4». Всего – 17 пусковых установок (12 – с МБР «Дунфан-5А» и пять – с БРСД «Дунфан-4»). Боезапас – до 20 ракет и 20 ядерных головных частей.

В Ланьчжоуском военном округе развернута 56-я ракетная база в составе двух ракетных бригад: одна вооружена грунтовым мобильным ракетным комплексом с БРСД «Дунфан-21А», другая – грунтовым мобильным ракетным комплексом с трехступенчатой твердотопливной МБР «Дунфан-31А» (дальность стрельбы – до 12300 км). Всего – 30 пусковых установок (12 с БРСД «Дунфан-21А» и 18 с МБР «Дунфан-31А»). Боезапас – 35 ракет и 35 ядерных головных частей.

В общей сложности в Стратегических ракетных войсках развернуто 207 пусковых установок (48 – с МБР, 99 – с БРСД и 60 – с ОТР). Боезапас для этих пусковых установок составляет 238 ракет и 208 ядерных головных частей.

Что касается Сухопутных войск, то они имеют на вооружении два типа грунтовых мобильных ракетных комплексов, которые могут производить пуски ракет как с обычной, так и ядерной головной частью. Один из комплексов оснащен твердотопливной ОТР «Дунфан-11» (дальность стрельбы – до 300 км), другой – КРНБ «Дунхай-10» (дальность стрельбы – 1500-2000 км).

Количество развернутых пусковых установок с ОТР «Дунфан-11» составляет порядка 100 ед., а с КРНБ «Дунхай-10» – до 350 ед. (по другим данным – до 500 ед.). В хранимом для этих ракет боекомплекте головных частей может насчитываться в общей сложности до 150 ядерных.

Таким образом, в наземном компоненте ядерных сил КНР может быть предназначено для развертывания около 360 ядерных головных частей. В мирное время большая часть из них хранится отдельно от ракет, но не все – вопреки утверждению некоторых экспертов на основе утечек в СМИ (по всей видимости, санкционированных китайскими властями).

Исходя из факта организации непрерывного боевого дежурства в ракетных бригадах, вооруженных грунтовыми мобильными ракетными комплексами с МБР «Дунфан-31/31А», следует предполагать, что эти комплексы содержатся в готовности к немедленному применению с санкции руководства страны. А это означает, что к ракетам, находящимся на пусковых установках в транспортно-пусковом контейнере, постоянно пристыкованы ядерные головные части. Если бы китайцы поступили по-другому, то они не были бы теми прагматиками, которыми их признает весь мир: непрерывное боевое дежурство ракет с отстыкованными ядерными боеголовками – полная оперативная бессмыслица.

Еще один существенный факт – сооружение в центральных провинциях Китая силами военных строителей развитой системы подземных тоннелей, в которых может размещаться крупногабаритная военная техника. Наличие таких тоннелей общей протяженностью в несколько тысяч километров наводит на предположение, что в них может находиться значительное количество резервных мобильных

пусковых установок с баллистическими и крылатыми ракетами, а также хранилища ядерных боеприпасов. Иного военного предназначения таких грандиозных сооружений просто нельзя себе представить. По меньшей мере, этот аспект не следует игнорировать, когда речь идет об оценке ядерной мощи КНР.

Морской компонент ядерных сил. Морской компонент ядерных сил КНР включает два типа подводных лодок атомных с ракетами баллистическими (ПЛАРБ): одна лодка типа «Ся» (проект 092) с 12 двухступенчатыми твердотопливными БРПЛ «Цзюйлан-1» (дальность стрельбы – до 2400 км) и две лодки проекта 094 с 12 трехступенчатыми твердотопливными БРПЛ «Цзюйлан-2» на каждой. Дальность стрельбы этой БРПЛ – до 8000 км.

Строительство ПЛАРБ типа «Ся» и производство БРПЛ «Цзюйлан-1» прекращено в 90-х годах минувшего века. Запасы ядерных головных частей для БРПЛ «Цзюйлан-1» оцениваются в 15 ед.

Строительство ПЛАРБ проекта 094 ведется с 2001 г. Всего предполагается построить не менее четырех лодок этого проекта (по другим данным – не менее пяти).

Введенные в боевой состав ВМС КНР две ПЛАРБ проекта 094 привлекаются к боевому патрулированию в прилегающих к Китаю морях. Их суммарный боезапас оценивается в 30 БРПЛ «Цзюйлан-2» и 30 ядерных головных частей.

Таким образом, ныне в морском компоненте ядерных сил КНР развернуто 36 моноблочных БРПЛ «Цзюйлан-1/2», боекомплект ядерных головных частей для которых составляет 45 ед.

Перспективы развития ядерных сил. Как представляется, вектор развития ядерных сил КНР в решающей мере будет определяться внешними факторами. В частности, это будет зависеть от того, какой облик обретет в конце концов глобальная система ПРО, создаваемая США совместно с их союзниками, и как будут развиваться ядерные силы соседей Поднебесной, прежде всего Индии. Определенное влияние окажут и перспективы решения застарелой тайваньской

проблемы. Пока же о будущем ядерных сил КНР приходится судить, исходя из той скупой неофициальной информации, которой располагает экспертное сообщество.

В соответствии с планами развития стратегической авиации осуществляется модернизация существующих и серийное производство новых модификаций дальних бомбардировщиков «Хун-6». Они оснащаются новым прицельно-навигационным оборудованием и будут иметь расширенный состав вооружения, включая крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) с ядерной головной частью. Прототипом этой КРВБ является КРНБ «Дунхай-10».

В совершенствовании наземного компонента ядерных сил акцент сделан на оснащении существующих и перспективных баллистических ракет разделяющейся головной частью и средствами преодоления ПРО. Наряду с этим ведется разработка двух новых твердотопливных баллистических ракет: БРСД типа «Дунфан-25» и МБР типа «Дунфан-41». БРСД типа «Дунфан-25» создается на базе первой и второй ступеней МБР «Дунфан-31» с оснащением ее разделяющейся головной частью с тремя боеголовками индивидуального наведения на цель. Предполагается, что дальность стрельбы у этой ракеты составит до 4000 км. Она призвана заменить устаревшую БРСД «Дунфан-4». МБР типа «Дунфан-41» создается как универсальная ракета, предназначенная для развертывания на двух типах мобильного ракетного комплекса – грунтового и железнодорожного базирования. По имеющейся информации, она будет оснащена разделяющейся головной частью с 6–10 боеголовками индивидуального наведения на цель.

Основные усилия в развитии морского компонента ядерных сил ныне направлены на ускорение и повышение качества строительства ПЛАРБ проекта 094, обретение экипажами этих лодок навыков управления лодкой и обеспечения всех режимов ее плавания в океанской зоне. Одновременно модернизируется БРПЛ «Цзюйлан-2» с оснащением ее РГЧ ИН. Кроме того, завершается создание необходимой инфраструктуры для базирования ПЛАРБ на острове Хайнань (Южно-Китайское море).

Перспективное направление – постройка головной ПЛАРБ проекта 096. На борту этой лодки будет находиться 24 БРПЛ «Цзюйлан-2» с РГЧ ИН. Ожидается, что эта лодка будет развернута в 2014–2015 гг.

Ядерный потенциал КНР и его значимость.

Проведенный анализ свидетельствует, что ядерный потенциал КНР явно недооценивается мировым сообществом. Он существенно выше, чем считают многие эксперты. По всей видимости, уже сейчас КНР является третьей после США и России ядерной державой, которая, несомненно, обладает техническими и экономическими возможностями, позволяющими при необходимости быстро нарастить ее ядерную мощь.

Это означает, что следует обязательно принимать во внимание китайский фактор при рассмотрении возможности заключения любого следующего российско-американского соглашения по ограничению и сокращению ядерных вооружений. Настало время для вовлечения КНР, в том или ином формате, в переговоры по ядерному разоружению. Без этого, как представляется, вряд ли возможно придать дополнительный импульс данному процессу, даже в случае разрешения нынешних противоречий России и США по проблемам ПРО, нестратегических ядерных вооружений и милитаризации космоса.

4. ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ КИТАЯ

А.А. Храмчихин

Система военного управления КНР. Руководство Народно-освободительной армией Китая (НОАК) осуществляет Центральный военный совет (ЦВС). Пост председателя ЦВС де-факто считается самым важным постом в КНР. Только после того, как человек занимает этот пост, он может считаться полноправным руководителем страны. Этот факт сам по себе означает исключительно высокую роль армии в политической системе Китая.

ЦВС руководит четырьмя видами вооруженных сил: стратегические ракетные силы наземного базирования (китайское название – «Вторая артиллерия»), сухопутные войска (СВ), ВВС, ВМС и семью военными округами, через которые осуществляется командование входящими в их состав частями СВ (штабы округов находятся в Пекине, Шэньяне, Цзиннине, Нанкине, Ланьчжоу, Гуаньчжоу и Чэнду). Руководство войсками также идет через Генштаб (за исключением «Второй артиллерии», которой ЦВС руководит напрямую) и три управления НОАК (политическое, тыла, вооружений). Централизация управления исключительно высока: передвижение любого подразделения более батальона должно быть разрешено ЦВС, что относится и к любому передвижению войск через границы военных округов.

Минобороны осуществляет повседневное руководство военным строительством и входит в структуру Госсовета (правительства) КНР. Главное политическое управление руководит партийно-политической и агитационно-пропагандистской работой в НОАК. Партийные структуры имеются во всех частях и соединениях НОАК, без подписи политкомиссара ни один приказ, в т.ч. боевой, не имеет силы.

НОАК комплектуется по призыву. Существует и контрактная служба продолжительностью от трех до 30 лет. Не призванные на военную службу мужчины в возрасте 18–35 лет состоят на службе в запасе в системе народного ополчения, численность которого составляет сейчас 36,5 млн. человек. Оно рассматривается как организованный боеготовый резерв НОАК и основа партизанского движения.

Китай быстро увеличивает военные расходы. Темпы их роста в 1,5–2 раза превосходят темпы роста ВВП, составляя 14–18% в год. Если в 2001 г. эти расходы были эквивалентны примерно 17 млрд. долл., то в 2011 г. достигли 91 млрд. долл. Таким образом, за 10 лет расходы выросли более чем в 5 раз (см. Приложение 1). При этом все без исключения зарубежные исследователи сходятся на том, что официальная цифра расходов занижена по сравнению с реальной в 1,5–3 раза, поскольку в нее не включены затраты на импорт вооружений и доходы от экспорта, расходы на ядерное оружие и СЯС, на Народную вооруженную полицию, субсидии в ВПК, ассигнования на НИОКР.

Сухопутные войска. Основой боевой мощи НОАК были, есть и будут сухопутные войска, поскольку гигантское население страны, да еще и избыток мужчин в младших возрастных группах дает командованию ВС КНР уникальный ресурс, о котором военно-политическое руководство других стран не может и мечтать. Даже имея определенное техническое отставание от ряда армий мира, Китай способен «задавить массой» любого противника, с которым встретится в традиционной наземной войне на своей территории или вблизи нее. По дислокации армейских группировок можно судить о том, кого в Китае считают противником.

Из семи военных округов Китая наиболее мощными являются округа со штабами в Пекине и Шэньяне, прилегающие к границе с РФ (первый ориентирован на Сибирский военный округ ВС РФ, второй – на Дальневосточный). На эти округа приходится четыре из девяти танковых и шесть из девяти механизированных дивизий, шесть из 12 танковых бригад сухопутных войск НОАК. Еще две танковые дивизии и одна бригада входят в состав

Ланьчжоуского ВО (занимает западную часть страны, ориентирован на Центральную Азию, Монголию и Сибирь к западу от Байкала)¹². Дополнительно одна танковая, одна механизированная дивизии, две танковые и единственная в НОАК механизированная бригады входят в состав Цзиннаньского округа, который находится в центре страны и является стратегическим резервом для Пекинского, Шэньянского, Ланьчжоуского и Нанкинского округов.

В частности, 38-я армия Пекинского ВО представляет собой «полигон» для отработки новых оргштатных мероприятий и способов применения новых видов боевой техники. Артиллерия в этой армии полностью автоматизирована, она еще уступает по точности американской, но, по всей видимости, уже превзошла российскую. Быстро обновляются бронетанковые войска, темп их наступления по опыту учений выше, чем в ВС РФ. В частности, в состав 38-й армии входит полностью автоматизированная 6-я танковая дивизия, оснащенная танками «Туре-96». Темп наступления 38-й армии достигает 1000 км в неделю (150 км в сутки). Наконец, в состав этой же армии входит 4-я зенитно-ракетная бригада, наиболее современное соединение войсковой ПВО Китая (включает, в частности, дивизион российской системы ЗРК «Тор»).

Вторым «полигоном» для отработки новых способов применения СВ является «резервный» Цзиннаньский округ, включающий образцовые и оснащенные новейшей техникой 8-ю танковую и 127-ю легкую мотопехотную дивизию.

Остальные подвижные соединения СВ НОАК (танковые и механизированные дивизии) входят в состав Нанкинского военного округа, ориентированного на захват Тайваня. В частности, здесь дислоцированы обе амфибийные механизированные дивизии, единственная амфибийная танковая бригада и единственная десантная бригада спецназа. Общая численность этих соединений составляет 25 тыс. человек. С учетом морской пехоты ВМС (две бригады, 10 тыс.

---

¹² См: Чуприн К. В. Военная мощь Поднебесной. Вооруженные силы КНР (справочник). М: «Харвест», 2006.

человек) Китай обладает вторым в мире после США контингентом морской пехоты.

Наиболее слабыми являются округа со штабами в Чэнду и Гуаньчжоу, прилегающие к границам с Индией и странами Индокитая. Они, в частности, не имеют ни одной танковой и механизированной дивизии, т.е. на южном направлении китайское командование не предполагает вести какие-либо масштабные наступательные действия. Войска этих округов состоят в основном из мотопехотных (бывших пехотных) дивизий, наиболее архаичного типа соединений СВ НОАК. В других округах большинство дивизий этого типа преобразуется в бригады. Переход от дивизий к бригадам в НОАК происходит достаточно активно, хотя этот процесс нельзя абсолютизировать. Насколько можно судить, танковые и механизированные дивизии, представляющие собой основную ударную силу СВ, преобразовывать в бригады не планируется.

Сегодня к современным образцам вооружений и военной техники (ВиВТ) СВ НОАК можно отнести около 4 тыс. танков Type-99 и Type-96, 100 самоходных артиллерийских установок (САУ) 2С23, несколько сотен САУ (WAC-021) и РСЗО (А-100, WM-80, WS-1) собственного производства, 27 зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) «Тор-М1».

В целом в составе сухопутных войск имеется 2,5–3 тыс. «Type-96» и 600–800 «Type-99» (встречающиеся в некоторых источниках цифры – 1,5 тыс. «Type-96» и 200 «Type-99» относятся к 2005–2006 гг.). Причем производство обеих типов машин продолжается общим темпом не менее 200 в год (возможно 400–500), что больше, чем у всех остальных стран мира, вместе взятых (ни на Западе, ни в России танки сейчас не производятся сопоставимыми темпами).

Также в Китае ведется разработка принципиально нового танка, который, по-видимому, будет иметь экипаж из двух человек и необитаемую башню. Предполагается, что он может быть дополнительно к основному оружию вооружен двумя скорострельными 6-ствольными пушками для поражения воздушных целей, включая системы ПТУР. Возможно, танк также будет нести на борту малогабаритную машину-робота для ведения разведки. Сухопутные войска весьма активно

занимаются боевой учебой, причем некоторые ее аспекты не могут не настораживать, поскольку на них отрабатываются глубокие наступательные операции (до 1,5 тыс. км) с применением значительных группировок войск. Понятно, что на юге, востоке и западе страны для таких операций нет физико-географических просторов.

В последнее время на вооружении НОАК появилась техника, которая не имеет никаких явных аналогов ни в России, ни на Западе. Например, боевая машина пехоты (БМП) ZBD-05, созданная специально для морской пехоты (закуплено не менее 250 машин различных модификаций) и ставшая базой для целого семейства машин (командно-штабная машина, САУ ZTD-05 и др.). В качестве развития этих машин создана БМП WZ502G, уже не имеющая амфибийных возможностей, но со значительно усиленным бронированием. В китайских источниках утверждается, что башня, а также лоб корпуса выдерживают попадание 30 мм бронебойного снаряда с дистанции 1000 м, а борта корпуса выдерживают попадание 14,5 мм боеприпаса с 200 м. Следует подчеркнуть, что 30 мм – калибр пушки российской БМП-2 (у американской БМП «Брэдли» 25-миллиметровая пушка), 14,5 мм – калибр исключительно российских пулеметов (устанавливаются на всех бронетранспортерах), калибр американских и вообще западных пулеметов не превышает 12,7 мм.

Традиционно наиболее сильной стороной сухопутных войск НОАК является реактивная артиллерия. Еще в 70–80-е годы минувшего века в этой сфере Китай был в наибольшей степени независим от СССР. В стране создано множество образцов реактивной системы залпового огня (РСЗО), как на базе советских, так и полностью собственных. Логично, что именно в Китае создана самая мощная и дальнобойная РСЗО в мире WS-2 (6x400 мм), первые модификации которой имеют дальность стрельбы 200 км, а последние (WS-2D) – 350–400 км. Ни американские MRLS и HIMARS, ни российский «Смерч» даже близко не стоят по тактико-техническим характеристикам (ТТХ) к WS-2.

Вообще, использование РСЗО по наземным площадным целям гораздо выгоднее, чем применение по ним авиации. Ведь

при этом нет риска потери чрезвычайно дорогостоящего самолета и экипажа, не тратится также весьма дорогое топливо. Расходятся лишь боеприпасы, причем они у РСЗО дешевле авиационных боеприпасов. Недостаточная точность стрельбы РСЗО компенсируется большим количеством снарядов, выпускаемых в одном залпе. Кроме того, сейчас и снаряды РСЗО становятся корректируемыми. В частности, это относится к снарядам WS-2. Более того, каждая пусковая установка (ПУ) этой РСЗО будет иметь «личный» разведывательный беспилотник, что еще более повысит точность стрельбы. РСЗО значительно превосходят также и тактические ракеты по боевой мощи при гораздо более низкой цене снарядов по сравнению с ракетами.

Главным недостатком РСЗО по сравнению с авиацией и танковыми ракетами считалась недостаточная дальность стрельбы. Теперь, однако, китайцы этот недостаток преодолели. Из глубины Маньчжурии WS-2D способна мгновенно «накрыть» все части ВС РФ в районах Владивостока–Уссурийска, Хабаровска и Благовещенска–Белогорска. А из приграничных районов Маньчжурии (но все равно с китайской территории!) эта РСЗО может поражать российские войска и авиабазы в районе Читы и стратегические предприятия Комсомольска-на-Амуре.

Малоразмерные снаряды WS-2D имеют гиперзвуковую скорость, их подлетное время даже на максимальную дальность не превысит 5 минут. Российская ПВО не только перехватить – даже обнаружить их не сумеет. Тем более, абсолютно невозможно будет обнаружить развертывание РСЗО на китайской территории, поскольку их ПУ напоминают обычные грузовики (направляющие имеют очень подходящую для маскировки под кузов грузовика коробчатую форму).

Американские КРМБ «Томахок», конечно, имеют большую дальность полета, но скорость у них дозвуковая, поэтому подлетное время на максимальную дальность составляет не 5 мин., а 2 часа. К тому же их ПУ (во всяком случае, на крейсерах и эсминцах) ни подо что нельзя замаскировать. Ничего, даже отдаленно сравнимого по ТТХ с WS-2, у стран НАТО нет.

Истребительная авиация. С начала 90-х годов XX в. истребительная авиация Китая перевооружается на новейшие самолеты. Количество тяжелых истребителей семейства Су-27/J-11 (Су-27, купленные в России, J-11А, произведены по лицензии, J-11В, выпускаются сейчас без лицензии) в ВВС и морской авиации НОАК уже превысило 300 ед. и будет доведено, как минимум, до 500. При этом J-11В заменят не только все J-8, но и Су-27. Легкие истребители J-10, которых сейчас имеется более 220, скорее всего, полностью заменят J-7, в этом случае только в ВВС НОАК их будет до 1000. (Хотя в российских и западных источниках постоянно говорится о том, что этих машин будет произведено всего 300, совершенно неясно, откуда взята эта цифра, когда и перед кем китайский Генштаб отчитывался о своих планах.)

Средний налет пилотов на современных истребителях составляет 200 часов в год, почти столько же, сколько в США и в 4–5 раз больше, чем в России. В ВВС НОАК (подобно ВВС США) имеется эскадрилья – «агрессор», укомплектованная наиболее подготовленными пилотами на истребителях Су-27. Они имитируют действия ВВС РФ и Тайваня, т.е. видимо основных «вероятных противников» Китая. Летчики других частей ВВС КНР участвуют в учебных воздушных боях с «агрессорами», повышая свое мастерство и изучая тактику будущих врагов.

Наибольшие проблемы у Китая сохраняются в области ударной авиации. Модернизация Н-6 (Х-6) в носитель КРВБ мало изменила ситуацию из-за общей архаичности этого самолета. Также сильно устарел штурмовик Q-5, даже его модификации с западной авионикой могут устраивать лишь развивающиеся страны. Впрочем, отчасти нехватка ударных машин компенсируется наличием большого количества тактических и оперативно-тактических ракет, а также появлением ударных БПЛА (WJ-600, CH-3, «Илонг» и др.). Кроме того, на вооружении ВВС и морской авиации поступает бомбардировщик JH-7. (Сейчас имеется около 200 ед., примерно поровну в ВВС и морской авиации, производство продолжается и может достичь, предположительно, 300–400 самолетов.) По-видимому, на решение, в первую очередь

ударных задач, будут ориентированы 100 импортируемых российских Су-30 (76 в ВВС, 24 в морской авиации) и их безлицензионные копии J-16, производство которых, очевидно, начнется в ближайшее время.

На авиасалоне в Чжухае осенью 2010 г. Китай представил значительное количество образцов БПЛА, в т.ч. боевые WJ-600, CH-3, «Илонг», «Аньцзян». Не исключено, что в этой сфере Китай обошел даже США, а с Россией просто невозможно сравнение, настолько велико отставание последней.

Наземная ПВО НОАК перешла в новое качество с приобретением в России ЗРС С-300. При этом, однако, два дивизиона С-300ПМУ и восемь дивизионов (два полка) С-300ПМУ-1, для которых было куплено лишь 150 ЗУР 5В55Р, имеют достаточно ограниченные возможности. Гораздо выше они у С-300ПМУ-2, которых у Китая имеется 15 или 16 дивизионов (4 полка). Правда, боекомплект для них (900 ЗУР 48Н6) относительно мал. Поэтому реальные возможности ПВО НОАК будут определяться собственным производством ЗРС НQ-9 (создан на базе С-300П) и НQ-16 (на базе ЗРК «Бук»).

Военно-морские силы. ВМС Китая в последние два десятилетия развиваются форсированными темпами. Руководство страны ставит перед флотом очень важные задачи: иметь способность обеспечить, во-первых, захват Тайваня, во-вторых – бесперебойную доставку сырья (в первую очередь – нефти) из Африки и Персидского залива, а также охранять добычу нефти на шельфах морей, прилегающих к Китаю, в-третьих – защиту своего побережья.

Понятно, что даже ВМС США не будут высаживать десант на побережье КНР, поскольку он заведомо обречен на полное уничтожение в боях против бесконечно больших сухопутных войск НОАК. Гораздо более серьезные опасения руководства КНР вызывает способность ВМС и ВВС США нанести удары с помощью высокоточного оружия по объектам «новой экономики» Китая, построенным за годы реформ. Более 80% современных предприятий, олицетворяющих китайское экономическое чудо, находятся в прибрежной зоне, т.е. очень уязвимы для удара с морских направлений. Соответственно,

ВМС КНР должны вынести линию обороны как можно дальше в океан.

Для эффективного решения этих задач ВМС КНР обязаны, по замыслам военно-политического руководства страны, пройти три этапа развития. На первом этапе китайский флот должен обеспечить благоприятный оперативный режим в пределах «первой цепи островов» (от японских островов Рюкю до Филиппин), на втором – в пределах «второй цепи островов» (от Курил через Марианские острова до Новой Гвинеи), на третьем – свободно действовать в любой точке мирового океана.

Применительно к ВМС наиболее современными можно считать 12 дизель-электрических ПЛ проекта 636 и 877 российской и 23 ПЛ проекта 039 и 041 собственной постройки (последние по конструкции близки как к французской ПЛ «Агоста», так и к новейшей российской ПЛ проекта 677), 13 эсминцев (проекты 956, 052 и 051 различных модификаций), более 10 фрегатов проекта 054.

По сумме дизельных ПЛ и многоцелевых ПЛА (около 70) Китай находится на первом месте в мире. Причем эта численность поддерживается на стабильном уровне. Новые ПЛА проекта 093 заменяют и дополняют ПЛА проекта 091, ПЛ проекта 041 (039А/В) постепенно заменяют ПЛ проекта 033 и 035 ранних серий. При этом ПЛ проекта 041 обладают передовой воздухонезависимой энергетической установкой. Скорее всего, они будут строиться большой серией, при этом постоянно совершенствуясь. В то же время 25 ПЛ проекта 039G, 877 и 636, видимо, будут еще долго оставаться в строю.

Уже сейчас китайский подводный флот способен обеспечить морскую блокаду Тайваня и создать большие проблемы ВМС США и Японии в северо-западной части Тихого океана. В перспективе, в случае увеличения численности ПЛА и получения баз за рубежом, подводный флот НОАК станет геополитическим фактором в масштабах Тихого и Индийского океанов в целом.

Приобретенные в России четыре эсминца проекта 956 предназначены для борьбы с надводными целями, два эсминца собственной постройки проекта 052С будут решать задачу

ПВО корабельных соединений. Для этого они оснащены российской ЗРС «Риф» (морской вариант С-300) и многофункциональной боевой системой, подобной американской системе «Иджис».

Эсминцы проекта 052С можно привести в качестве наиболее яркой иллюстрации китайской политики синтеза иностранных технологий. Эти корабли оснащены газотурбинными двигателями «Заря» украинского производства, кроме российской ЗРС «Риф», они вооружены китайскими ПКР С-803 (которые сами по себе являются синтезом французской ПКР «Экзосет» и израильской ПКР «Габриэль»), 100-миллиметровой артиллерийской установкой (АУ), скопированной с французской АУ М68 фирмы «Крезолуар», 7-ствольным 30-миллиметровым зенитным автоматом, скопированным с голландского «Голкипера», противолодочными торпедами Yu-7, скопированными с американской торпеды Mk-46, вертолетом Z-9, являющимся копией французского SA-365. За исключением вертолета, все остальные образцы вооружений, скопированные с иностранных, производятся в Китае без лицензий. Именно эти эсминцы будут строиться большой серией (не менее 10 ед.), причем на их новой модификации вместо российской ЗРС установлена уже собственная ННQ-9 (морской вариант HQ-9).

Что касается «москитного» флота, то вместо многочисленных старых ракетных и торпедных катеров в Китае на базе скоростных катамаранов австралийской фирмы «Аустал» (Austal) строится 60–80 самых мощных в мире ракетных катеров проекта 022.

Недавно был введен в строй первый в ВМС Китая десантно-вертолетный корабль-док (ДВКД) проекта 071. Сегодня это крупнейший корабль китайского флота водоизмещением 20 тыс. т. Он несет до 800 морских пехотинцев и 50 ед. бронетехники, которые могут перебрасываться с корабля на берег с помощью имеющихся на борту ДВКД четырех десантных катеров на воздушной подушке и четырех вертолетов. ДВКД уже побывал у берегов Сомали в рамках борьбы с пиратами. В конце 2011 г. в ВМС поступил второй такой ДВКД, строятся еще два. Активно

ведется проектирование авианосцев с использованием технологий с закупленного на Украине всего за 28 млн. долл. авианосца «Варяг» (полная техническая документация на него была куплена у Невского ПКБ в Санкт-Петербурге за чисто символическую сумму 840 тыс. долл.), недостроенного для ВМФ СССР, и выведенного из состава ВМС Австралии авианосца «Мельбурн», приобретенного по цене металлолома. Более того, «Варяг», который был официально куплен для переделки в плавучий развлекательный центр, достроен в качестве авианосца (возможно, учебного) и в ближайшее время будет введен в строй ВМС КНР. Палубный истребитель для него J-15 будет создан на основе Т-10К (прототип Су-33), также приобретенного на Украине.

«Варяг» не может стать прототипом для строительства новых авианосцев и практически наверняка останется в единственном экземпляре в качестве учебно-экспериментального. «Полноценные» авианосцы Китай должен будет создавать самостоятельно, хотя и с использованием иностранного опыта. Но сам факт, что Китай достраивает и предполагает ввести в строй корабль, который не является полноценным авианосцем и не может служить прототипом для новых кораблей, однозначно свидетельствует о том, что Китай придает исключительно большое значение развитию своих ВМС и собирается строить авианосный флот. В противном случае, учебный авианосец ему бы не понадобился.

Соответственно, в обязательном порядке в ближайшее время в КНР начнется (с учетом опыта достройки и эксплуатации «Варяга») строительство уже «настоящих» авианосцев, причем Китай заведомо построит их не менее трех-четырёх (возможно – пяти-шести), поскольку строить один-два авианосца для такой страны, как Китай, бессмысленно. По определению, это будет означать необходимость строительства еще не менее 20 эсминцев проекта 052 или каких-то новых проектов. Как было сказано выше, в качестве основного выбран эсминец проекта 052С, имеющий на вооружении КРМБ НН-2 (считаются аналогами системы «Томахок», полученных Китаем из Судана, Сербии и Пакистана) и ЗРК ННQ-9 («Форт», С-300Ф). Поскольку после некоторого перерыва строительство

кораблей этого типа было возобновлено (причем уже с собственным, а не российским ЗРК и с новой РЛС), вероятно, он и станет основным надводным кораблем китайских ВМС, помимо авианесущих кораблей. Среди фрегатов выбор сделан в пользу проекта 054А, который уже строится большой серией и будет, видимо, совершенствоваться по ходу строительства.

Наличие авианосцев и больших десантных кораблей придаст ВМС КНР принципиально новые возможности сначала в борьбе за Тайвань, а затем и для операций в мировом океане. Поглощение Тайваня привело бы к резкому росту мощи Китая и установлению им контроля над морскими коммуникациями в западной части Тихого океана и в Юго-Восточной Азии. В этом случае Китай прорвал бы «островной барьер», протянувшийся вдоль его побережья, и его ВМС вышли бы на океанский оперативный простор.

Судя по всему, КНР уже готовится к этому прорыву, поскольку в ее флоте быстро растет доля кораблей океанской зоны за счет уменьшения количества кораблей и катеров, предназначенных для действий вблизи своего побережья. Собственно, появление хотя бы одного авианосца позволит ВМС НОАК обеспечить себе благоприятный оперативный режим уже в пределах «второй цепи островов», включая Сахалин, Курилы и Камчатку.

Видимо, усилия военно-политического руководства КНР будут в ближайшие годы направлены на то, чтобы внутри НОАК появилась относительно небольшая (по китайским меркам) современная высокотехнологичная армия, способная успешно противостоять ВС США, РФ, Японии и Индии, не говоря уже о любой другой стране. Наверное, она составит примерно 15% от общей численности НОАК (имеется в виду численность мирного времени, т.е. до мобилизации).

Для этой армии будут в максимальной степени учитываться новейшие американские концепции военного строительства, в частности – концепция «сетевидной войны». Поскольку Китаю в обозримом будущем затруднительно реализовать эту концепцию в собственных ВС, значительное внимание будет уделено «асимметричной войне», т.е. воздействию на «нервные узлы» вражеской армии. Речь

идет об электронном и огневом поражении КП, ИСЗ, центров связи противника, а также о мерах по дезинформации и маскировке. В частности, уже сейчас в Китае создаются для этой цели подразделения «хакеров». В 2000 г. «сетевые» войска стали отдельным родом войск НОАК. А в начале 2007 г. в КНР были успешно проведены испытания противоспутникового оружия. В 1999 г. в Китае опубликована книга «Неограниченная война» (авторы – два офицера НОАК), рассматривающая стратегию «асимметричной войны»¹³. Суть ее заключается во фразе «главное правило неограниченной войны – отсутствие правил, полная свобода действий».

Кроме того, Китай, подобно США, активно развивает Силы специального назначения («кулачные подразделения»), которые решают задачи четырех типов. Они могут использоваться в качестве: «открывателей дверей», нанося удары по важным целям и пробивая бреши в позициях противника; «скальпеля» – для нанесения удара по целям, парализующим боевой потенциал противника; «стального молота» – для захвата важных вражеских позиций; «стартового двигателя» – для ускорения темпа кампании и открытия новых районов боевых действий.

Составной частью реализации данного плана будет ведение Китаем информационной войны. Так, акты агрессии, совершенные КНР против соседей, могут объявляться «самообороной», направленной на исправление «ошибок истории» (например, нападение на Вьетнам в 1979 г. китайцы называют «оборонительным контрударом»).

Концептуальное обеспечение военной политики. В Китае, исходя из резко уменьшившейся вероятности мировой войны, создана концепция «локальных войн», причем Китай не исключает собственную инициативу в возникновении локальных военных конфликтов. В локальной войне участвует меньшее количество войск, что позволяет застать противника врасплох.

---

¹³ См: Менгес К. Китай: нарастающая угроза (Пер. с англ. Булычева А. Г.). М., «Независимая газета», 2006.

В то же время не отменена и концепция «народной войны», созданная Мао Цзэдуном. Она подразумевает, что каждый китаец рассматривается как военнослужащий, а страна – как единый военный лагерь. В эпоху Мао смыслом этой концепции было «заманивание» технологически более сильного противника вглубь Китая, где против него должна была развернуться крупномасштабная партизанская война с упором на гигантские людские ресурсы Китая.

Как можно судить по работам китайских военных специалистов, эта концепция была модернизирована и теперь предусматривается максимальное изматывание противника в приграничных сражениях с быстрым переходом в стратегическое наступление или даже ограниченная агрессия, определяемая как «оборонительный удар в целях самозащиты». Таким образом, она существенно пересекается с концепцией «активной обороны», которая подразумевает активную стратегическую оборону на заранее подготовленных рубежах с целью изменения соотношения сил в свою пользу с дальнейшим переходом в контрнаступление.

Две эти концепции, а также концепции «национальной безопасности», «ограниченного ядерного контрудара в целях самозащиты», «быстрого реагирования», «триединой системы вооруженных сил», «локальных войн», «стратегических границ и жизненного пространства» в совокупности составляют, видимо, реальную, в отличие от формально-официальной, военную доктрину Китая. Новые тактические концепции в рамках доктрины «активной обороны» (носящей, по сути, наступательный характер): «победа с помощью элитных сил»; «захват инициативы за счет нападения первыми»; «победа над слабыми за счет превосходства»; «удары в глубину» (действия «целиком в глубине», включая ракетно-артиллерийские удары и десанты); «быстрый бой, чтобы добиться быстрого исхода». Термин «активная оборона» можно истолковать как готовность к ведению наступательных действий, поскольку Китай сам определяет, какое государство относится к нему враждебно и в чем эта враждебность заключается.

Особого внимания заслуживает концепция «стратегических границ и жизненного пространства», которая,

как представляется, не имеет аналогов среди военных концепций других стран¹⁴. Ни одна из них так откровенно не заявляет о праве на военную агрессию в связи с нехваткой ресурсов и территории. Концепция основана на той точке зрения, что рост населения и ограниченность ресурсов вызывает естественные потребности в расширении пространства для обеспечения дальнейшей экономической деятельности государства и увеличения его «естественной сферы существования». Предполагается, что территориальные и пространственные рубежи обозначают лишь пределы, в которых государство с помощью реальной силы может «эффективно защищать свои интересы». «Стратегические границы жизненного пространства» должны перемещаться по мере роста «комплексной мощи государства». Концепция подразумевает перенесение боевых действий из приграничных районов в зоны «стратегических границ» или даже за их пределы, при том что причинами военных конфликтов могут стать сложности на пути «обеспечения законных прав и интересов Китая в АТР». В Китае считают, что границы жизненного пространства сильных держав выходят далеко за пределы их границ, а сфера влияния слабой стране меньше, чем их национальная территория.

СЯС развиваются в соответствии с концепцией «ограниченного ядерного контрудара в целях самозащиты». Официально заявлено, что Китай не будет применять ядерного оружия первым, но, по некоторым данным подобный вариант подразумевается в случае тяжелого поражения обычных сил НОАК¹⁵. Кроме того, ограниченность сил подразумевает ранний и быстрый удар, чтобы нанести противнику максимальный ущерб.

В целом, можно заключить, что китайская армия быстро становится одним из важнейших факторов мировой стратегической обстановки. Весьма показательным то, что

---

¹⁴ Агафонов Г. Д. Азиатско-Тихоокеанский регион и морской потенциал России. // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 6. С. 31-44

¹⁵ Понамарев С. Политика КНР в области нераспространения ядерного оружия: доктрина, теория и практика. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 6. С. 14-25.

пятикратный рост военных расходов за 10 лет и огромный прирост ее боевой мощи в «физическом выражении» (т.е. в закупках вооружения и техники) происходят в условиях искусственного самоограничения, которое руководство КНР накладывает на развитие НОАК. В Пекине извлекли уроки из печального опыта СССР, надорвавшего себя гонкой вооружений, и пришли к выводу, что надо сначала добиться высокого уровня экономического развития и уже на этой базе – строить вооруженные силы. Видимо, этот подход следует признать весьма эффективным.

Если ограничения на развитие ВС будут сняты, то НОАК вполне будет способна на «большой скачок», т.е. выйдет на совершенно новый уровень. При этом может сложиться ситуация, когда армия сама станет фактором экономического развития, обеспечивающим успех внешней экспансии и расширяя стратегические границы жизненного пространства далеко за пределы нынешних границ КНР.

5. ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДКЛЮЧЕНИЯ КНР К ОГРАНИЧЕНИЮ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

А.Г. Арбатов

Общий стратегический контекст. Безопасность в АТР в обозримом будущем будет определяться отношениями между Китаем и США. В стратегическом контексте определяющим будет взаимодействие или противостояние трех держав: КНР, США и России.

Военно-стратегические отношения в «большом треугольнике» завязаны в сложный узел переплетения общих интересов и противоречий сторон в сфере наступательных и оборонительных стратегических (а также нестратегических) вооружений. При этом, вопреки распространенному мнению, отношения КНР и России во многих случаях не более близки, чем отношения РФ и США или Китая и США.

На обозримое будущее Соединенные Штаты и Россия имеют общую позицию, противоречащую линии КНР, по следующим вопросам:

- отказ принять безоговорочное обязательство о неприменении ядерного оружия (ЯО) первыми;
- отказ объявить, что использование ядерного оружия или угроза им никогда не будут направлены против неядерного государства или страны зоны, свободной от ядерного оружия;
- намерение (во всяком случае, провозглашаемое) вести совместное развитие систем ПРО (к которому КНР не приглашается);
- желание иметь большую открытость ракетно-ядерных сил и программ КНР;

- стремление к скорейшему подключению КНР к разоружению;
- отказ от скорейшего заключения договора (конвенции) о всеобщем ядерном разоружении с конкретными сроками и от объявления ядерного оружия «вне закона»;
- отказ отменить ядерные гарантии безопасности своим союзникам.

Со своей стороны Соединенные Штаты и Китай объединяет в противовес России стремление:

- вести дело к следующему договору СНВ со значительным понижением количества ядерных вооружений;
- ограничить (нестратегическое) тактическое ядерное оружие (ТЯО) США и РФ (о Китае речь пока не идет);
- ограничить ЯО США и РФ на складском хранении.

Наконец, РФ и Китай, вопреки США, согласны в том, что касается необходимости:

- ограничения глобальных и региональных систем ПРО;
- ограничения высокоточных обычных вооружений большой дальности;
- ограничения космических и частично-орбитальных ударных средств;
- неприемлемости предложения НАТО по перемещению ТЯО России с запада на восток.

Ни США, ни КНР не рассматривают Россию в качестве полновесного военно-политического союзника, аналогичного союзникам США по НАТО или союзникам России по ОДКБ.

В этой связи периодические и не очень глубоко продуманные инициативы Москвы заручиться «стратегическим партнерством» или «коалиционными отношениями»¹⁶ то с Западом, то с Китаем не прибавляют ей веса и уважения в глазах Вашингтона, Пекина, Токио и европейских столиц. Это

---

¹⁶ Например, речь идет об идее «модернизационных коалиций» России со странами Запада, выдвинутой в 2010–2011 гг., а потом благополучно забытой.

тем более так, поскольку РФ на практике не много делает в своей экономике, внутренней и внешней политике, военном курсе, чтобы стать для других ведущих центров силы желанным партнером в какой-либо области, кроме экспортно-сырьевой.

Вместе с тем одним из главных приоритетов внешней политики и стратегии безопасности и США, и КНР является не допустить вступление России в военно-политический союз с Китаем или Соединенными Штатами соответственно, хотя на официальном уровне ничего подобного не провозглашается. Россия могла бы данную ситуацию использовать с большой выгодой для себя, но это требует другой экономической, внешней и военной политики. Вопрос о том, какой именно – выходит далеко за пределы рассматриваемой здесь темы.

Стратегическая позиция Китая. Несмотря на кажущуюся цельность и лапидарность, позиция и политика КНР в ядерной стратегической сфере весьма противоречива.

С одной стороны, Китай – единственная из великих держав, которая на официальном уровне имеет обязательство о неприменении ЯО первой, причем безо всяких оговорок.

В китайской «Белой книге» под названием «Китайская национальная оборона в 2010»¹⁷ содержится призыв ко всем ядерным государствам «отказаться от политики ядерного сдерживания на основе применения ядерного оружия первыми, принять безоговорочное обязательство ни при каких условиях не использовать и не угрожать использованием ядерного оружия против неядерного государства или зоны, свободной от ядерного оружия... Ядерные государства должны вести переговоры и заключить договор о неприменении ядерного оружия первыми друг против друга»¹⁸.

Подход КНР к стратегической стабильности отличается от российско-американского тем, что он не основан на примерном ракетно-ядерном паритете и концепции взаимного гарантированного уничтожения (ответным ударом).

---

¹⁷ China's National Defense in 2010: II. National Defense Policy // China.Org.Cn (http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263420.htm).

¹⁸ Ibid.

Касательно величины необходимых Китаю ядерных сил говорится, что они будут поддерживаться на минимальном уровне, «которого требует национальная безопасность»¹⁹.

В то же время Китай – единственная из пяти великих держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН и признанных пяти ядерных держав Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая не предоставляет никакой официальной фактической информации о своих ядерных силах и программах их развития.

В прошлом, когда китайский ВВП, военный бюджет и ядерные силы были весьма скромны, это спокойно воспринималось другими державами. Но в последнее десятилетие экономический рост КНР, ее выход на второе после США место в мире по величине военного бюджета, крупные программы модернизации ядерных и обычных сил и вооружений, впечатляющие военные парады на площади Тяньаньмэнь и все более амбициозная внешняя и военная политика – изменили это отношение.

Теперь ни одно из положений о «сугубо оборонительной ядерной доктрине», отказе от первого удара, поддержании «минимально необходимых» ядерных сил не будет приниматься на веру. Более того, без официальной информации о китайских ядерных силах и программах их развития, пусть самого общего характера, такие декларации будут производить прямо противоположный эффект – как показатель стремления скрыть правду и усыпить бдительность других государств.

Ныне тысячелетние китайские традиции, похоже, возрождаются в Поднебесной по многим направлениям и могут обретать большее значение, чем сакраментальные позиции нынешнего официоза КПК. В этой связи нелишне напомнить об идеях величайшего китайского военного теоретика (первого стратега в мировой истории) Сунь Цзы, высказанных в его трактате «Искусство войны». Две с половиной тысячи лет назад, когда на территории нынешней России и всех стран НАТО люди ходили в звериных шкурах и воевали дубинами,

---

¹⁹ Ibid.

он писал: «Война – это путь обмана. Поэтому, даже если имеются большие возможности, показывай противнику отсутствие возможностей. Когда должен ввести в бой свои силы, притворись бездеятельным. Когда цель близко, показывай, будто она далеко...»²⁰.

Не вдаваясь в военно-технические детали, напомним, что, по оценкам самых авторитетных российских специалистов, Китай имеет до 800–900 предназначенных для оперативного развертывания ядерных боезарядов (440 ядерных авиабомб на авиации разных типов, 360 боеголовок на МБР, БРСД и ОТР, 45 боеголовок на БРПЛ²¹). Все они могут развертываться в пределах досягаемости до России (80 ед. – до США). Возможно, Китай имеет в общей сложности 40 т оружейного урана и 10 т плутония. Этого достаточно для изготовления 3600 ядерных боезарядов²², хотя значительная часть оружейных материалов, как и боезарядов, вероятно, содержится в хранилищах как резервный запас. Таким образом, скорее всего, Китай – третья ядерная держава после США и РФ. При этом экономический и технический потенциал КНР позволяет осуществить быстрое наращивание ракетно-ядерных вооружений.

Также КНР прилагает усилия для повышения живучести и эффективности своих наземных и космических СПРН, систем боевого управления и осуществляет программы НИОКР в сфере ПРО и противоспутникового оружия. Периодически появляются сведения о построенных и строящихся в Китае огромных тоннелях, общая протяженность которых оценивается примерно в 5000 км²³. Интересно, что строительство ведется силами «Второй артиллерии» – вида вооруженных сил, ответственного за стратегические силы

---

²⁰ См.: Sun Tzu translated and annotated by Lionel Giles (2005). *The Art of War by Sun Tzu – Special Edition*. El Paso Norte Press. /Sawyer, R.D. *The Art of War*. Westview Press. 1994.

²¹ Есин В.И.. Третий после США и России // Военно-промышленный курьер. 2012. № 17. С.5.

²² Там же.

²³ Stephens B. Plumbing the Secret Underground Great Wall // *The Wall Street Journal*. October 24. 2011.

наземного базирования (вроде российских РВСН). Вероятнее всего, тоннели могут предназначаться для скрытного хранения резервных мобильных пусковых установок, стратегических и оперативно-тактических ракет, ядерных боеприпасов. По разным оценкам там могут размещаться тысячи ядерных боезарядов и сотни запасных наземно-мобильных МБР, РСД и ОТР²⁴.

Исходя из этого, можно предположить, что истинные мотивы полной засекреченности информации о китайских ядерных силах объясняются не «слабостью» и «малочисленностью», а избыточностью ядерного потенциала КНР.

Прокладывая свою колею в ядерной политике, Китай не повторяет опыт США и СССР, которые разворачивали большими сериями каждый новый тип и модификацию систем оружия, всемерно афишируя это в целях политико-пропагандистского эффекта. (Достаточно вспомнить блеф Никиты Хрущева о том, что СССР «лепил ракеты как сосиски» или декларации американских лидеров о потенциале «массированного возмездия» и «беспорном ядерном превосходстве США» вплоть до начала 70-х годов.)

Китай, наоборот, практикует последовательное экспериментирование с новыми типами и модификациями систем оружия без перехода к разворачиванию или с разворачиванием компактными сериями, видимо, стараясь с минимальными затратами достичь оптимальных систем ЯО. Возможно, такими станут МБР «Дунфан-31А» и «Дунфан-41», БРСД «Дунфан-25» и БРПЛ «Цзюйлан-2». При этом, весьма вероятно, что Китай, официально преуменьшая свой ядерный потенциал, «на виду» станет разворачивать первые три системы в ограниченных масштабах, но гораздо большее наращивание ракетных сил будет иметь место в тоннельных сооружениях «Второй артиллерии».

С китайским безоговорочным обязательством неприменения ЯО первыми тоже далеко не все ясно. По сравнению с публично детализированными ядерными

---

²⁴ Ibid.

доктринами США, России, Великобритании и Франции, о реальных стратегических концепциях Китая практически ничего не известно. Обычно считается, что ядерная держава, отказавшаяся от первого удара (применения ЯО), опирается на концепцию и средства ответного (второго) удара. Однако, по общепринятым оценкам, пока китайские стратегические ядерные силы (СЯС) в том виде, в каком о них знают за рубежом, равно как и системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), слишком уязвимы и недостаточно эффективны, чтобы обеспечить возможность ответных действий после гипотетического разоружающего ядерного удара США или России. Тем более китайские СЯС не обладают возможностью ответно-встречного удара по информации СПРН о факте ракетного нападения.

Поэтому официальную доктрину КНР многие зарубежные специалисты трактуют как преимущественно пропагандистский инструмент (вроде советского обязательства о неприменении ЯО первым от 1982 г.), не отражающий реального оперативного планирования СЯС. Возможно, на деле планируется упреждающий удар в ситуации, когда руководство страны решит, что война неизбежна. Впрочем, не исключено, что и ответный удар является «рабочей» концепцией оперативного планирования – если в подземных тоннелях хранится крупный резерв ракетно-ядерных сил, о котором неизвестно вероятному противнику и который обладает высокой живучестью, хотя и не может быть использован немедленно. Для усиления эффекта сдерживания в момент кризиса часть этого резерва может быть показана миру, чтобы разрушить планы врага.

Кстати, такая версия вполне укладывается в традиции китайской стратегической школы. Как писал Сунь Цзы в своем бессмертном трактате, «высшее пресуществление (замысел, сценарий. – *А.А.*) войны – разрушить планы врага; затем – разрушить его союзы; затем – напасть на его армию; и самое последнее – напасть на его укрепленные города»²⁵. Традиционно американская и советская ядерные стратегии,

---

²⁵ См.: Sun Tzu. *Op. cit.*

акцентируя технико-математическое моделирование обмена ударами, делали упор на четвертую и третью задачи в качестве критериев потенциала сдерживания. Китайская стратегическая школа, вероятно, идет своим путем, придает гораздо больше внимания внешнеполитическим функциям военной стратегии и наделяет сдерживание иными приоритетами.

Это особенно важно на фоне всеобъемлющей модернизации сил общего назначения КНР. Нарастание ядерных сил обеспечивает Китаю мощное стратегическое «прикрытие» его превосходства в силах общего назначения над всеми региональными соседями. Такая перспектива крайне беспокоит Индию. Она может поставить под сомнение кредитоспособность гарантий безопасности США Японии, Южной Кореи, Тайваню, побудить их к политике «умиротворения» Пекина. Другой возможный итог – объединение усилий и (или) военной (в т.ч. ядерной) самостоятельности. (Сведения о росте таких настроений в Японии недавно произвели сенсацию²⁶.)

Также это вызывает опасения у стран Юго-Восточной Азии, с которыми КНР сталкивается из-за противоречий по нефтяному шельфу Южно-Китайского моря.

Для России при всех нынешних планах «стратегического партнерства» с КНР эти тенденции чреваты тревожными последствиями. Нарастание китайского потенциала ядерного удара по европейской части ее территории будет означать блокирование преимуществ РФ по ядерным средствам средней дальности (авиации, КРМБ) и оперативно-тактического класса, которые пока еще компенсируют превосходство обычных вооруженных сил и вооружений КНР вблизи российской Сибири и Дальнего Востока.

Китай и системы ПРО. Вероятность наращивания ядерных сил КНР создают существенный, хотя и негласный стимул для развития системы ПРО США и их союзников на Дальнем Востоке. Несмотря на то, что непосредственным основанием является отражение ракет КНДР, в реальности посредством противоракетной обороны Вашингтон, видимо,

---

²⁶ ASIA NEWS, October 2011.

стремится максимально затруднить и отдалить перспективу обретения Китаем потенциала ядерного сдерживания на основе гарантированной возможности ответного удара по США, не говоря уже о достижении Пекином стратегического паритета.

По понятным причинам, это вызывает в Китае еще большую озабоченность, чем в России ПРО НАТО. Он отвечает развитием средств преодоления ПРО, ПСС и своей системы ПРО.

Немалую тревогу Пекина вызывали переговоры РФ–США/НАТО о сотрудничестве в развитии ПРО в Европе, которые в КНР воспринимались как военное сближение двух держав против Китая. Российское предложение о создании общей «секторальной» системы ПРО, в которой каждая сторона будет перехватывать ракеты, летящие над ее пространством, в направлении другой стороны, оставило без ответа ряд кардинальных вопросов. Например, должна ли Россия перехватывать ракеты Китая, летящие над российской территорией в сторону США или Западной Европы?

По определению стратегическая ПРО имеет глобальный характер, особенно в части информационно-управляющих систем. Ограничить сотрудничество по ПРО держав каким-то отдельным регионом, скажем, Евро-Атлантикой, едва ли возможно. При этом, если США хотя бы теоретически допускали возможность сотрудничества по ПРО с Россией, то о взаимодействии в этой сфере с Китаем не может быть и речи. А для РФ создание совместной или сопряженной ПРО с США чревато большими осложнениями военно-политических отношений с КНР, форсированным наращиванием их ядерных сил с прямым ущербом для российской безопасности.

Поэтому Китай постоянно, как бы незримо, присутствовал на переговорах Москвы и Вашингтона по ПРО. Хотя эта проблема ни в Брюсселе, ни на саммитах открыто не обсуждалась, подспудно она явилась одной из причин провала переговоров.

Провал переговоров временно снял озабоченность Китая по этому поводу, но вероятность их возобновления остается важным моментом стратегического планирования КНР.

Стратегические системы в неядерном оснащении.

Соединенные Штаты стремятся ослабить зависимость их гарантий союзникам от ЯО путем развития не только оборонительных, но и наступательных вооружений в обычном оснащении.

Это вызывает огромную озабоченность в Китае особенно в части развития американских средств большой дальности с высокоточным неядерным оружием (ВТО): крылатых ракет морского и воздушного базирования в сочетании с космическими системами разведки (особенно – радиоэлектронной), навигации и связи.

Еще большая обеспокоенность связана с перспективой создания частично-орбитальных ракетно-планирующих гиперзвуковых систем с высокоточным обычным оружием в рамках американской концепции молниеносного глобального удара (эксперименты с космическим самолетом X-37B в апреле 2010 г.²⁷ и запуски системы Минотавр Лайт IV). Интересно, что, как и Россия, Китай проецирует угрозу применения таких систем исключительно на себя. При этом практически единственный сценарий конфликта, который повсеместно и всерьез рассматривается в Китае, это вооруженное столкновение с США из-за попытки силового решения Тайваньской проблемы²⁸. КНР, вероятно, полагает, что упомянутые наступательные системы США смогут наносить массированные и многократные разоружающие удары по его высокоточным ракетным средствам в неядерном оснащении, предназначенным для удара по флоту США.

Не меньшая тревога Пекина связана с вероятностью контрсилowych неядерных ударов по ядерным силам страны. Эта вероятность подрывает официальную ядерную доктрину Китая, основанную на безоговорочном обязательстве о неприменении ЯО первыми. Она по идее не предполагает ядерное возмездие в ответ на нападение с применением высокоточных обычных вооружений. Во всяком случае, США

---

²⁷ Saalman L. China and the US Nuclear Posture Review. Carnegie - Tsinghua, 2011. P. 33.

²⁸ Ibid. PP. 22, 35.

могут рассчитывать на такую нерешительность КНР, имея огромное превосходство и в неядерных и в ядерных стратегических вооружениях.

Возможно, именно в этом контексте Китаем рассматривается поддержание крупного запаса скрытых в тоннелях ракет, если подозрения об их наличии обоснованы. Другое направление контрмер – интенсивное развитие БРСД и ОТР с высокоточными неядерными боеголовками для уничтожения авианосных соединений и других ценных объектов противника в ответ на нападение с использованием неядерных стратегических средств.

Кроме того, для повышения живучести своих ядерных сил Китай осуществляет программу развития ПЛАРБ и БРПЛ (строится три-четыре АПЛ). При этом Китай весьма озабочен возможностью США отразить удары БРПЛ – из зон нынешнего боевого дежурства китайских ракетносцев в прибрежных морях – с помощью систем ПРО на Аляске и в Калифорнии (GBI), а также на боевых кораблях США и на наземных базах и кораблях Японии (система «Иджис»/SM-3).

Строительство новых китайских ПЛАРБ и вероятный их выход в открытый океан позволит Китаю «обойти» с юга сектор перехвата ПРО США в АТР, что может повлечь дорогостоящую перестройку противоракетной обороны США для прикрытия южных азимутов.

Для прикрытия новых стратегических и многоцелевых ПЛА Китай осуществляет грандиозную программу развития ВМС. Флот «желтых морей» должен превратиться во флот «синей воды» как на Тихом, так и в Индийском океане – для создания и расширения зоны военно-морского доминирования КНР и контроля над углеводородными коммуникациями. Это беспокоит Индию, и Японию.

Также Китай делает упор на свои системы в неядерном оснащении – прежде всего БРСД с высокоточными обычными головными частями для удара по флоту США (в частности, вокруг Тайваня).

Китай и ограничение ядерных вооружений. Китай – единственная страна, помимо США и РФ, обладающая большим экономическим и техническим потенциалом

быстрого многократного наращивания СЯС в течение последующих 10–15 лет. Поэтому уже сейчас возникла необходимость учитывать китайские ядерные силы и программы их развития при обсуждении любого следующего российско-американского соглашения по сокращению стратегических вооружений после нового Договора СНВ. Отличие здесь Великобритании и Франции в том, что они союзники США, их силы сокращаются, они достаточно открыты и предсказуемы, у них нет и не предвидится потенциала быстрого наращивания ЯО.

В этом огромная важность транспарентности, которая уточнила бы реальный размер, характеристики и потенциал наращивания китайских ядерных сил. Если они составляют 240–300 боезарядов, то едва ли можно ставить вопрос об их юридически обязывающем ограничении в ближайшее время. Как представляется, было бы достаточно политического обязательства о том, что они не будут существенно наращиваться в условиях дальнейших сокращений СЯС США и России.

Если же они насчитывают 800–900 боезарядов, плюс средства в тоннельных сооружениях, то без их ограничения дальнейшие сокращения двух других держав невозможны – даже если они достигнут согласия по ПРО, ТЯО и стратегическим системам в обычном оснащении.

Официальная позиция Пекина состоит в том, что «...страны, обладающие наибольшими ядерными арсеналами...должны и в дальнейшем решительно сократить свои арсеналы проверяемым, необратимым и юридически обязывающим способом, с тем, чтобы создать условия для полной ликвидации ядерных вооружений. Когда возникнут соответствующие условия, другие ядерные государства должны также присоединиться к многосторонним переговорам по ядерному разоружению»²⁹.

Что касается открытия информации, Китаем официально выдвигается требование отказа США (и, по умолчанию,

---

²⁹ China's National Defense in 2010: X. Arms Control and Disarmament

России) от концепции применения ядерного оружия первыми – в качестве условия большей транспарентности китайских ядерных сил.

Это на первый взгляд звучит убедительно, но на деле есть полный нонсенс, поскольку официальная информация Пекина о количестве его ядерных средств не может облегчить нацеливание разоружающего удара США или России. В планировании таких операций они обязаны полагаться на собственные разведывательные данные, тем более что официальная информация Пекина не должна включать точные координаты всех его стратегических объектов. Однако для планирования договоров об СНВ в Москве и Вашингтоне транспарентность в отношении китайских сил и программ была бы очень полезна.

На деле, видимо, КНР рассматривает транспарентность как свой важнейший «козырь». Поэтому убедить Китай пойти на ядерную транспарентность в виде жеста доброй воли, первого шага или минимального вклада в переход к многостороннему разоружению, скорее всего, не удастся. В лучшем случае Пекин намерен вести по этому поводу жесткий торг и будет стремиться «продать» каждый частный фрагмент транспарентности за максимальную плату контрагентов.

Предпосылки участия КНР в ограничении вооружений. Тем не менее, как представляется, Китай можно постепенно вовлечь в процесс ограничения ядерных вооружений. Но путь лежит не через благие пожелания о расширении числа участников процесса: не удастся «обучить» Китай российско-американским урокам, он будет формировать свой путь. Вовлечение КНР возможно только на сугубо прагматической основе: если он сочтет, что его уступки по части транспарентности и каких-либо лимитов на вооружения окупаются уступками США (и по умолчанию России) по тем вопросам, которые интересуют Пекин.

Прежде всего, Пекин считает новый Договор СНВ промежуточным, наскоро согласованным документом для замены истекшего в 2009 г. Договора СНВ-1 и, в известном смысле, профанацией сокращения СЯС (минимальные реальные сокращения, специфические правила засчета,

сокращение через перемещение боеголовок на склады и т.д.). Для того чтобы всерьез подойти хотя бы к теоретическому обсуждению каких-либо ограничений на свое ядерное оружие, Китай как минимум ждет следующего российско-американского договора СНВ о реальном сокращении СЯС двух держав (например, до 1000 боезарядов).

Как известно, перспективы такого соглашения сейчас весьма сомнительны из-за их разногласий по ПРО и нестратегическим ядерным вооружениям, а также по политическим причинам.

Кроме того, КНР настаивает на отказе США (и по умолчанию РФ) от концепции применения ЯО первыми и признании ими состояния взаимного ядерного сдерживания с КНР на основе обоюдной уязвимости. Для США такие шаги чреваты осложнениями отношений с союзниками, зависящими от гарантий безопасности, в том числе ядерных, со стороны Вашингтона. А для России они могут восприниматься как угроза собственной безопасности на западе и на востоке, особенно с учетом геостратегических преимуществ КНР вблизи Сибири и Дальнего Востока и ввиду ее растущего превосходства по силам общего назначения.

Таким образом, подключение Китая к процессу ядерного разоружения – это не только вопрос смены позиции Пекина, но также проблема основательного и болезненного изменения военной политики США и России.

Кроме того, если Вашингтон и Москва всерьез хотят транспарентности или ограничений ядерных сил КНР, простые призывы, благие пожелания и апелляция к ст. VI ДНЯО останутся бесплодными, как и раньше. Две ведущие державы должны трезво оценить, чем они готовы пожертвовать в плане сокращения и ограничения своих собственных вооружений и программ модернизации в обмен на соответствующие уступки Китая. Ни на что иное Пекин не пойдет и будет продолжать стоять на своей позиции «замкнутого круга», требуя сокращения ядерных сил РФ и США до уровней, более близких к китайским (при этом не открывая, какие это уровни).

Представляется, что реальные предпосылки согласия Китая на поэтапное «открытие» своих стратегических

вооружений и их ограничение (хотя бы через обязательство не наращивать количественно) таковы:

- обязательство США не наращивать средства ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане (это зависит и от Японии);
- обязательство США и России, что, в случае их договоренности о сотрудничестве в развитии ПРО в отдельных проектах (например, обмен данными СПРН), Китай сможет принять в них участие в приемлемом для себя формате;
- переход США и РФ к переговорам о следующем соглашении СНВ, включая ликвидацию стратегических носителей и ограничение стратегических неядерных средств;
- продвижение в ограничении нестратегических ядерных вооружений США и России (исключая их перемещение из Европы в Азию, вопреки позиции НАТО).

При этом первый, второй и четвертый пункты явились бы косвенным признанием от лица двух ведущих держав отношений взаимной уязвимости и взаимного ядерного сдерживания с Китаем. Как обязательства США союзникам, так и безопасность российских восточных рубежей придется поддерживать за счет СОН, политических и экономических средств.

Вероятный формат переговоров – двусторонний диалог между США и КНР, параллельно с переговорами по СНВ между США и Россией и наряду с регулярными стратегическими консультациями России с Китаем.

Трехсторонний или четырехсторонний формат исключительно труден. Но он все же возможен, например, по сотрудничеству в сфере ПРО (обмен данными СПРН). Также в более отдаленной перспективе могут иметь место трехсторонние соглашения об ограничении СЯС: например, через равные суммарные потолки (в 200-300 пусковых установок) на МБР плюс БРСД России, США и КНР. При этом имеется в виду, что ракеты средней дальности США и РФ ликвидированы, а КНР получил бы возможность снимать БРСД и вместо них вводить в строй МБР. Эту перспективу едва ли будут приветствовать Россия и тем более США, но нужно

учитывать, что без соглашений КНР в любом случае может это делать или наращивать МБР в дополнение к БРСД.

В заключение отметим, что Китай сделал бы, например, неожиданный и эффектный ход, если бы в ответ на призывы присоединиться к ядерному разоружению предложил бы подписать новый российско-американский Договор СНВ. Возможная реакция Москвы и Вашингтона на такой гамбит – интересная тема для отдельного, правда, чисто абстрактного интеллектуального упражнения. Абстрактного – потому что, по-видимому, в Китае сейчас нет нового Сунь Цзы.

ВЫВОДЫ

1. В своей внешней и оборонной политике Китай придерживается собственных принципов, основанных на независимости и достаточности. В последние годы логика стремительного развития Китая требует от Пекина более активного участия в мировой экономике и политике. Во-первых, в результате бурного экономического и финансового роста заметно возросло значение Китая в мировой политике. Во-вторых, модель экономического развития Китая, основанная на быстром росте потребления и импорта энергоресурсов и другого сырья, а также на интенсивном расширении промышленного и сельскохозяйственного экспорта, неизбежно заставляет Пекин все больше вовлекаться в разнообразные проблемы регионов-поставщиков и транзита сырья, имеющих большое значение для китайской экономики.

Достаточно высокие темпы экономического роста – необходимое условие социальной стабильности и поддержания существующей политической системы КНР, т.е. сохранения власти и благосостояния номенклатуры КПК, военного истеблишмента и крупного бизнеса.

2. С целью оправдания растущей роли Китая в международных делах и снижения по этому поводу беспокойства других стран идеологи китайской политики провозгласили в 2003 г. доктрину «мирного развития». Позднее эта декларативная цель была трансформирована в концепцию построения «гармоничного мира». Суть этой идеи – в проведении независимой и самостоятельной внешней политики при демонстрации намерений КНР играть конструктивную роль в мире и реализовывать свои интересы исключительно мирными средствами.

Есть свидетельства того, что китайское руководство усматривает главные непосредственные угрозы

экономическому развитию, а значит и безопасности КНР, в последствиях подъемов и спадов в мировой экономике. Китай в высшей степени зависим от экономического сотрудничества с США и другими развитыми странами Запада, являющимися потребителями китайского экспорта, источником капиталовложений и высоких технологий.

3. В то же время в китайских общественных кругах имеет широкое хождение идея о том, что в XXI в. Китай должен превратиться в самую могущественную мировую державу. В этой связи ожидается, что предстоит напряженная борьба с США за лидерство в региональном и глобальном масштабах, и что Америка будет всемерно стараться опять оттеснить КНР на периферию мирового развития.

Одним из составных элементов этих взглядов, с недавнего времени открыто высказываемых в кругу китайских политиков, военных и экспертов, является представление о том, что столкновение интересов и соперничество (если не прямой вооруженный конфликт) Китая и США в будущем неизбежны. Исходя из этого, утверждается, что Китаю необходимо добиться стратегически выигрышных позиций в мире и укреплять свои вооруженные силы.

Хотя на официальном уровне Пекин неукоснительно провозглашает миролюбие своей внешней политики, имеются признаки подспудного формирования иного, конфронтационного военно-политического курса страны. Вполне возможно, что либо официальное миролюбие является для него «ширмой», либо имеют место серьезные разногласия и борьба внутри китайских правящих кругов относительно будущей политической и военной линии Китая на международной арене. Двойственность отношений КНР с Западом может находить отражение в существовании альтернативных позиций по внешней и военной политике внутри китайских правящих кругов.

Также нельзя не учитывать специфику китайской политической системы, идеологическую и кадровую направленность руководящей роли КПК, слабое развитие гражданского общества, всеобъемлющую военную секретность, эмбриональное состояние независимой

стратегической экспертизы и критического анализа. В таких условиях практическая военная стратегия и военное строительство страны характеризуются значительной автономизацией, определяются сугубо военными устремлениями генералитета – на фоне огромного роста финансирования обороны и интенсивного внедрения зарубежных и собственных технологических инноваций. Такая ситуация имело место в СССР в 70–80-е годы прошлого века, когда действительно миролюбивая политика КПСС сочеталась с форсированным наращиванием наступательной военной мощи по всему диапазону.

4. Достаточно осторожно проводимая Китаем программа модернизации и наращивания ракетно-ядерного потенциала, во всяком случае, в той мере, в которой об этом известно окружающему миру, в первую очередь имеет, видимо, статусный характер. Но это ни в коей мере не исключает нацеленности программы на усиление потенциала ядерного сдерживания в отношении США, Индии и России. В силу традиций и национальной специфики китайского стратегического мышления этот курс может осуществляться с использованием весьма неожиданных для Запада и России приемов.

В контексте отношений с Тайванем, ядерное сдерживание имеет целью предотвратить вмешательство других стран в решение этой проблемы при любом сценарии развития событий.

Китай постепенно, но последовательно увеличивает численность и улучшает характеристики стратегических ракет, ракет средней дальности, а также оперативно-тактических ракет (последние два класса систем снабжены как ядерными, так и обычными боевыми частями). Возможно, крупный скрытый ракетно-ядерный потенциал КНР размещается в подземных тоннельных сооружениях, что не имеет прецедента в мировой истории гонки вооружений второй половины прошлого века. Кроме того, Китай экспериментирует с созданием собственной системы ПРО и противоспутникового оружия.

Наряду с этим КНР стабильно наращивает и модернизирует силы общего назначения – сухопутные войска, ВВС, ВМФ, десантные части, повышает их стратегическую и тактическую мобильность. Достаточно очевидно, что Китай стремится (хотя и не объявляет об этом официально) добиться военного доминирования над территориями и морскими акваториями, примыкающими к его границам по всем азимутам. В последние годы имеют место первые осторожные экспедиции китайских вооруженных сил далеко за пределы непосредственно примыкающих зон, поиск военных опорных пунктов в отдаленных районах (в частности, в Индийском океане).

5. Китай – единственная из ядерных держав «большой пятерки», не предоставляющая никакой официальной информации о составе и численности своих ядерных сил. По пропагандистским причинам Китай настаивает на том, что его ядерный арсенал невелик и никак не сопоставим по размерам с арсеналами США или России. В силу секретности китайских ядерных программ, оценки количества ядерных боеголовок страны внешними экспертами варьируются от 240–300 до 3600 ед.

6. Анализ потенциала производства специальных расщепляющихся материалов показывает, что к концу 2011 г. в Китае могло быть наработано до 40 т оружейного урана и около 10 т оружейного плутония. В соответствии с распространенной практикой государств, входящих в «ядерную пятерку», в ядерном арсенале КНР, вероятно, насчитывается 1600–1800 ядерных боеприпасов, из которых для оперативного развертывания может быть предназначено 800–900 ед. Даже без учета таинственных подземных туннелей, строящихся силами «Второй артиллерии» (китайского аналога российских Ракетных войск стратегического назначения), вполне вероятно, что Китай в настоящее время является третьей ядерной державой после России и США, причем его отставание не столь велико, как принято считать за рубежом.

Вопреки официальным объяснениям, полная секретность информации о ядерных силах КНР на деле может объясняться не их малым размером и уязвимостью, а наоборот –

преследовать цель сокрытия большой избыточности ядерного арсенала. По контрасту с публичным отказом Пекина от идеи ядерного паритета с США и Россией, в реальности его ядерная мощь может быть вполне сопоставима с потенциалом США и России, а по некоторым параметрам (например, ракеты средней и меньшей дальности) превосходить их.

В дополнение ко всему, Китай является единственной страной в мире, помимо РФ и США, обладающей экономическим и техническим потенциалом быстрого наращивания ядерной мощи в относительно короткий период времени. Ни одно из шести других государств – обладателей ЯО не сопоставимо с КНР в этом отношении.

7. Это означает, что необходимо принимать во внимание «китайский фактор» при разработке любых новых инициатив по ограничению или сокращению ядерных вооружений США и России как в рамках переговорного процесса, так и в качестве односторонних мер доброй воли.

8. До сих пор позиция Китая состояла в том, что он может присоединиться к ядерному разоружению лишь тогда, когда США и Россия существенно снизят численность своих ядерных вооружений (приближаясь к уровню Китая), примут обязательство не применять ядерного оружия первыми, а также устранят другие «дестабилизирующие» факторы (например, развертывание американских ПЛАРБ в Тихом океане, расширение ПРО на Дальнем Востоке, разработка космического оружия, поддержка Тайваня и т.д.).

Эта позиция Пекина, видимо, носит политико-пропагандистский характер и не имеет отношения к практическим соображениям. Она помогает КНР выиграть время для укрепления своих стратегических позиций в ожидании более «интересных» предложений великих держав.

Вместе с тем весьма наивной представляется линия США и России, которые призывают Китай присоединиться к процессу ядерного разоружения, «открыть» свои силы и программы или хотя бы взять обязательство не наращивать ядерный потенциал – просто исходя из обязательств по ст. VI ДНЯО, в качестве жеста доброй воли, ради вклада в благородное дело ядерного разоружения.

9. Судя по всему, Китай можно вовлечь в процесс контроля над ядерным вооружением только на прагматической основе, а не призывами к разоружению или благими пожеланиями.

Это означает, что Китай может присоединиться к этому процессу, если он сочтет, что его уступки по части транспарентности и каких-либо лимитов на вооружения окупаются уступками США (и, по умолчанию, России) по военным и политическим вопросам, которые интересуют Пекин. Другими словами, он может изменить свою нынешнюю позицию, если сочтет, что оставаться в стороне от процесса разоружения будет для него менее благоприятным в военном и политическом отношениях, чем присоединиться к нему в том или ином формате.

Точно также, идеи «подключения Китая к контролю над ядерными вооружениями», «присоединения к американо-российским переговорам» или «заимствования американо-российского опыта» совершенно нереалистичны. В лучшем случае, Китай будет участвовать только в тех переговорах с США (и, возможно, по некоторым вопросам с Россией и Индией), формат которых он будет задавать сам, исходя из своих собственных стратегических целей и на той концептуальной основе, которая будет соответствовать его интересам.

10. В частности, Китай, скорее всего, не примет участия в «диалоге по стратегической стабильности», предложенном США в качестве способа достижения транспарентности ядерных сил КНР, в виде жеста доброй воли или предварительного условия для перехода к реальному ограничению вооружений. Пекин будет использовать вопрос транспарентности в качестве важнейшего «козыря для торга» с целью получения максимальных уступок со стороны США в свою пользу.

11. В известном смысле возможность вступления Китая в процесс контроля над ядерными вооружениями – это не только проблема изменения традиционной китайской позиции, но и тема пересмотра военной политики США и России.

Речь идет о прямом или косвенном признании отношений взаимного ядерного сдерживания с Китаем и его права обладать возможностью гарантированного, пусть и ограниченного ответного удара. Это может затронуть гарантии безопасности, данные Соединенными Штатами их азиатским союзникам. Также это подразумевает снижение опоры России на ядерную составляющую для восполнения растущего отставания в обычных вооруженных силах в Сибири и на Дальнем Востоке.

12. Как представляется, предпосылки согласия Китая на поэтапное «открытие» информации о своем потенциале и на последующее ограничение ядерных вооружений (хотя бы через обязательство не наращивать количественно определенные их виды и типы) таковы:

- обязательство США не наращивать средства ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане (возможно, включая и противоракетные средства Японии);

- обязательство США и России, что в случае их договоренности о сотрудничестве в отдельных проектах развития ПРО (например, обмен данными СПРН) Китай сможет принять в них участие в приемлемом для себя формате;

- начало переговоров между США и РФ по следующему соглашению СНВ, которое будет включать в себя ликвидацию стратегических носителей и ограничение высокоточных неядерных ракет большой дальности;

- прогресс в ограничении нестратегических ядерных вооружений США и России (исключая их перемещение из Европы в Азию, вопреки позиции НАТО);

При этом первый, второй и четвертый пункты были бы косвенным признанием со стороны Вашингтона и Москвы отношений взаимной уязвимости и взаимного ядерного сдерживания с Китаем.

13. Вероятный формат переговоров – двусторонний диалог между США и КНР, параллельно с переговорами по СНВ между США и Россией и наряду с регулярными российско-китайскими стратегическими консультациями.

Трехсторонний или четырехсторонний формат переговоров (с подключением Индии) едва ли представляется

возможным. Единственным исключением может стать вопрос о сотрудничестве в сфере ПРО (обмен данными СПРН).

Однако в более отдаленной перспективе возможны некоторые трехсторонние соглашения по ограничению вооружений. Так, ограничение стратегических сил путем установления равных суммарных предельных уровней на МБР плюс ракеты средней и меньшей дальности России, США и Китая.

Подобный подход мог бы в некотором смысле объединить соглашения между США и Россией по СНВ и РСМД и придать им трехсторонний формат. Поскольку у США и России нет ракет средней и меньшей дальности, такое соглашение предусматривало бы для них только ограничение числа МБР, в то время как Китай должен был бы ограничить численность всех своих ракет (дальностью свыше 500 км).

Разумеется, это лишь иллюстрация к идее о том, что в условиях конструктивных отношений и устойчивой стратегической обстановки возможна разработка разного рода новаторских подходов к ограничению вооружений как к 2020 г., так и в дальнейшем.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВВП и военные расходы КНР

Таблица 1. ВВП Китая (трлн. долл.), 2000-2011 гг.

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1,20	1,32	1,45	1,64	1,93	2,26	2,71	3,49	4,52	4,99	5,93	7,30

Источник: МВФ,
(<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/weodata/index.aspx>)

Таблица 2. ВВП Китая (трлн. юаней), 2000-2011 гг.

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
9,9	11,0	12,0	13,6	16,0	18,5	21,6	26,6	31,4	34,1	40,1	47,2

Источник: Национальное статистическое бюро КНР,
(<http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/yearlydata/>)

Таблица 3. Военные расходы Китая, 2000-2011 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
млрд. юаней	184	227	262	288	331	379	452	546	638	764	820	923
млрд. долл.	33,49	41,17	47,82	51,95	57,54	64,72	76,06	87,73	96,66	116,66	121,06	129,27
% от ВВП	1,9	2,1	2,2	2,1	2,1	2,0	2,0	2,1	2,0	2,2	2,1	1,96

Источник: Stockholm International Peace Research Institute
(<http://milexdata.sipri.org/>)

Таблица 4. Военные расходы Китая (по официальным китайским данным, 2012 г. – плановые расходы) 2000-2012 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
млрд. юаней	121,3	141,0	166,0	185,3	206,5	247,7	280,0	350,9	417,8	480,7	532,1	601,1	670,0
млрд. долл.	14,6	17,0	20,0	22,4	25,0	29,9	35,3	45,0	57,2	70	78	91,5	106,4

Источник: составлено по материалам информационного агентства Синьхуа (<http://www.xinhuanet.com/>) и Национального статистического бюро КНР (<http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/yearlydata/>).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Принятые сокращения

АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
БМП	боевая машина пехоты
БПЛА	беспилотный летательный аппарат
БРПЛ	баллистическая ракета подводных лодок
БРСД	баллистическая ракета средней дальности
ВВС	военно-воздушные силы
ВВП	валовый внутренний продукт
ВиВТ	вооружения и военная техника
ВМБ	военно-морская база
ВМС	военно-морские силы
ВМФ	военно-морской флот
ВО	военный округ
ВПК	военно-промышленный комплекс
ВС	вооруженные силы
ВТО	высокоточное неядерное оружие
ДВКД	десантно-вертолетный корабль-док
ДНЯО	Договор о нераспространении ядерного оружия
ЗРК	зенитно-ракетный комплекс
ЗРС	зенитно-ракетная система
ЗУР	зенитная управляемая ракета
ИСЗ	искусственные спутники Земли
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
КНР	Китайская Народная Республика
КП	командный пункт
КПК	Коммунистическая партия Китая
КРВБ	крылатая ракета воздушного базирования
КРНБ	крылатая ракета наземного базирования
Кт	килотонна

Мт	мегатонна
МБР	межконтинентальная баллистическая ракета
НАТО	Организация Североатлантического договора
НИОКР	научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НОАК	Народно-освободительная армия Китая
ОТР	оперативно-тактическая ракета
ПВО	противовоздушная оборона
ПКБ	проектно-конструкторское бюро
ПКР	противокорабельная ракета
ПЛАРБ	подводная лодка с атомным оружием на борту
ПЛА	атомная многоцелевая подводная лодка
ПРО	противоракетная оборона
ПТУР	противотанковая управляемая ракета
ПУ	пусковая установка
РВСН	ракетные войска стратегического назначения
РГЧ ИН	разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РЛС	радиолокационная станция
РСД	ракета средней дальности
РСЗО	реактивная система залпового огня
САУ	самоходная артиллерийская установка
СВ	сухопутные войска
СИПРИ	Стокгольмский институт исследований проблем мира
СНВ	стратегические наступательные вооружения
СНВ-1	Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (1991 г.)
СОН	силы общего назначения
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	стратегические ядерные силы
ТТХ	тактико-технические характеристики
ЦВС	Центральный военный совет (КНР)
ЯО	ядерное оружие
NSP	Nuclear Security Project
NTI	Nuclear Threat Initiative

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Список участников конференции, состоявшейся 28 июня 2012 г. в ИМЭМО РАН

1. Аншуман, первый секретарь Посольства Индии в Российской Федерации.
2. А.Г. Арбатов, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик РАН.
3. И.А. Ахтамзян, доцент кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО-Университет МИД РФ.
4. Эльдар Байрамов, первый секретарь Посольства Азербайджана в Российской Федерации.
5. Ф.Г. Войтоловский, заведующий сектором ИМЭМО РАН.
6. Н.П. Волошин, помощник директора Российского Федерального Ядерного Центра – Всероссийского института технической физики им. академика Е.И. Забабихина.
7. Яков Вэсоловский, заместитель атташе по вопросам обороны при Посольстве Республики Польша, подполковник.
8. Себастьян Герхард, первый советник Посольства Германии в Российской Федерации.
9. П.В. Гончаров, политический обозреватель радио «Голос России».
10. М.Г. Евтодьева, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
11. С.М. Ермаков, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований.
12. В.И. Есин, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН, генерал-полковник (в отставке).
13. А.В. Загорский, руководитель Отдела разоружения и урегулирования конфликтов ИМЭМО РАН.

14. П.С. Золотарев, заместитель директора Института США и Канады РАН, генерал-майор (в отставке).
15. В.М. Иванов, политический обозреватель информационного агентства «Интерфакс».
16. Т.Т. Кадышев, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии
17. Н.И. Калинина, главный научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
18. Карина Катап, сотрудник политического отдела Посольства Германии в Российской Федерации.
19. Э.В. Кириченко, руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН.
20. И.Я. Кобринская, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.
21. Роман Ковальчук, первый советник Посольства Польши в Российской Федерации.
22. Д.В. Кочегарова, научный сотрудник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.
23. О.В. Кулаков, профессор Военного университета Министерства обороны РФ, полковник (в отставке).
24. М.Б. Кустовский, первый секретарь Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России.
25. В.Н. Литовкин, ответственный редактор газеты «Независимое военное обозрение», полковник (в отставке).
26. А.В. Лукин, проректор по научной работе и международным связям Дипломатической Академии МИД России.
27. Ляо Вэйцзин, шеф-корреспондент газеты «Цзинцзи Жибао».
28. А.А. Махлай, президент АНО «Центр общественно-политических исследований».
29. В.В. Михеев, заместитель директора ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН.
30. Е.В. Мясников, директор Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии.
31. В.Е. Новиков, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

32. С.К. Ознобищев, заведующий сектором Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
33. А.Н. Перенджиев, доцент Кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, подполковник (в отставке).
34. А.В. Радчук, советник начальника Генерального штаба ВС РФ, полковник (в отставке).
35. О.С. Рождественская, программный менеджер Российского совета по международным делам.
36. Н.П. Ромашкина, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
37. В.И. Рыбаченков, ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ-Университет.
38. Л.Ф. Рябихин, заместитель председателя Комитета ученых за международную безопасность.
39. Е.К. Силин, директор Ассоциации евро-атлантического сотрудничества.
40. В.И. Сотников, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
41. Ю.В. Тавровский, главный редактор журнала «Дипломат».
42. Г.Д. Толорая, региональный директор по Азии и Африке, руководитель управления региональных проектов фонда «Русский мир».
43. П.В. Топычканов, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
44. А.А. Храпчихин, заместитель директора и заведующий аналитическим отделом Института политического и военного анализа.
45. С.В. Целицкий, научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
46. Гуан Цзяньбин, глава московского корпункта газеты «Чжунго Циньяньбао».
47. В.И. Цымбал, заведующий лабораторией военной экономики Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.
48. Чи Е, корреспондент газеты «Чжунго Циньяньбао».

49. Д.А. Чижов, научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН.
50. Б.А. Шмелев, руководитель Центра политических исследований Института экономики РАН.
51. Ян Чжэн, политический обозреватель газеты «Гуанмин Жибао».
52. О.В. Яркова, научный сотрудник Академии гражданской защиты МЧС России.